

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О ВОЙНѢ 1877 — 1878 гг.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

(Статья четвертая) (*).

(Съ картою.)

VI.

На Балканахъ.

Подъемъ на горы артилеріи и снарядовъ. — Жизнь на Балканахъ. — Дѣйствія лѣвой колонны генерала Рауха. — Поездка на позицію къ генералу Дандевиллю. — Постройка укрѣпленій. — Перестрѣлка съ турками. — Перевозъ во Врачешъ. — Лютиковская позиція. — Вѣсть о паденіи Плевны. — Рекогносцировка Умургача. — Приготовленія къ переходу черезъ Балканы.

Послѣ занятія Этрополя, для преслѣдованія турокъ высланъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскій и Екатеринославскій драгунскій полки подъ начальствомъ генералъ-маіора Краснова. Драгуны отбили нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ, часть обоза и пр. Преслѣдованіе продолжалось до перевала, и затѣмъ отрядъ вернулся назадъ, причѣмъ не были выяснены сила, расположеніе и прочность занятія войсками турецкихъ укрѣпленій.

Для овладѣнія переваломъ, 15-го ноября былъ двинутъ впередъ къ Шандорнику (лѣвая гора) и Вратешкѣ (правая гора) передовой отрядъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевилля. Отрядъ слѣдовалъ въ двухъ колоннахъ: правая, подъ личнымъ начальствомъ генерала Дандевилля, въ составѣ которой находились: Великолуцкій пѣхотный полкъ, два эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полка и два орудія 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады; въ лѣвой, подъ начальствомъ командира Псковскаго полка полковника Зу-

(*) См. «Военный Сборникъ» 1879 г. №№ 1-й, 2-й и 3-й.

батова — Псковскій пѣхотный полкъ, два эскадрона Екатеринбургскаго драгунскаго полка и четыре орудія 16-й конной батареи.

16-го ноября, возвращаясь съ рекогносцировки, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, я слышалъ частую стрѣльбу на правой горѣ (Вратешкѣ). Прежде чѣмъ отправиться въ Этрополь къ генералу Гурко, я рѣшился проѣхать къ генералу Дандевиллю, чтобы узнать о происшедшемъ. Подъемъ на гору былъ невообразимо труденъ; кое-гдѣ разложены были въ лѣсу, покрывавшемъ крутые скаты Балкановъ, костры или просто подожены были громадные деревья на корню; раненыя попадались очень часто, носильщики, со своими тяжелыми ношами, осторожно спускались по скользкой крутой тропѣ. Поворотъ за поворотомъ, подъемъ за подъемомъ — просто конца не видать этимъ невыносимымъ горамъ! Между тѣмъ наступила полная темнота; по дорогѣ стали чаще и чаще попадаться камни; въ иныхъ мѣстахъ доходишь до отчаянія — бросишь лошадь на произволъ судьбы и только слегка поддерживаешь ее на поводу, чтобы не шлепнуться со всего размаху. Наконецъ я добрался до передоваго орудія, у котораго находились генералъ Дандевиль, командиръ артилерійскаго взвода штабсъ-капитанъ Адасовскій и другіе офицеры. Всѣ еще находились подъ веселымъ возбужденіемъ блистательно отбитой атаки. Оказалось, что турки, узнавъ о нашемъ движеніи, рѣшились атаковать генерала Дандевила во время подъема на гору. Имѣя около пяти таборовъ, они ожесточенно бросились на два баталіона Псковскаго полка и стали окружать маленькій отрядъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе нашихъ было критическое: противникъ съ трехъ сторонъ, пули крестятъ по всѣмъ направленіямъ, офицеры уже выхватили револьверы, чтобы съ честью умереть на орудіяхъ... Но въ самую тяжкую минуту подоспѣлъ бывший сзади баталіонъ Псковскаго полка, потребованный генераломъ Дандевилемъ. Баталіонъ этотъ бросился противъ лѣваго фланга турокъ и отбросилъ ихъ съ урономъ.

Достаточно было туркамъ минутнаго успѣха, чтобы поварварствовать вволю. Я самъ видѣлъ нашихъ раненыхъ съ отрѣзанными ушами, перерѣзаннымъ горломъ и т. п. Такія дѣйствія вполне совмѣстимы съ понятіями о воинской чести нашихъ бывшихъ противниковъ.

17-го ноября обѣ колонны усилены были гвардейскими войсками, причемъ на позицію противъ Шандорника они прибыли только къ утру слѣдующаго дня. Я назначенъ былъ состоять въ колоннѣ генерала Рауха, подъ команду котораго поступили войска на лѣвой горѣ (Шандорникъ). Чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, генералъ Раухъ утромъ 17-го ноября, отправился къ генералу Дандевиллю на Вратешку.

Турки обстрѣливали правую гору весьма частымъ артилерійскимъ огнемъ. Два орудія 5-й гвардейской батареи отвѣчали имъ довольно энергически. Съ позиціи генерала Дандевилля намъ открылась неожиданная картина—непрерывный рядъ турецкихъ укрѣпленій. На самой высшей точкѣ (Шандорникъ) находилось укрѣпленіе Гильдисъ-табія; отъ него на постепенно спускающемся хребтѣ, до самаго Арабъ-Конака, расположено было, отлично видныхъ, нѣсколько редутовъ. Всѣ укрѣпленія вооружены были артилеріей. Нетрудно было рѣшить, гдѣ находился ключъ турецкой позиціи: съ занятіемъ «Гильдисъ-табія» мы становились на правомъ непріятельскомъ флангѣ, рѣшительно командовали бы всей турецкой позиціей и угрожали бы пути отступленія противника. Турки тогда должны были бы очистить всѣ укрѣпленія до Арабъ-Конака. Никто изъ насъ не предполагалъ, что намъ надолго придется засѣсть въ горахъ.

Въ отрядномъ штабѣ еще 18-го ноября предполагали дѣйствовать безостановочно, что видно, напримѣръ, изъ предписанія генералу Рауху отъ 18-го ноября 1877 г. № 6,072, въ которомъ генералъ-майоръ Нагловскій писалъ: «Начальникъ отряда приказалъ, по взятіи Арабъ-Конака, ввѣренному вашему превосходительству лѣвому отряду слѣдовать къ Стрыглу только съ одною пѣхотою, безъ артилеріи».

Между тѣмъ, во время нашего пребыванія 17-го ноября на позиціи у генерала Дандевилля, раздалась вдругъ ружейная стрѣльба у Шандорника, и мы замѣтили движеніе кучки нашей пѣхоты. Какъ въ послѣдствіи оказалось, это были три роты Псковскаго пѣхотнаго полка, который дѣйствовалъ на лѣвой горѣ. Подымаясь вверхъ безостановочно, увлекаясь личной инициативой и мужествомъ, роты бросились противъ турецкаго укрѣпленія. Въ окончательномъ результатѣ дѣла нельзя было, къ сожалѣнію, не сомнѣваться... Во время приближенія ихъ къ турецкому укрѣпленію, на Шандорникъ нашло облако и скоро наши храбрецы скрылись въ его густой мглѣ. Пальба все усиливалась, огоньки часто засверкали посреди облака, затѣмъ «ура», и на нѣсколько минутъ роковая тишина.

Стрѣльба снова возобновилась, и мы увидѣли, наконецъ, беззавѣтныхъ псковцевъ, медленно съ пальбой отходившихъ назадъ и разсыпавшихся въ видѣ стрѣлковой цѣпи въ нѣсколько шеренгъ. Оказалось, что они не только достигли до турецкаго укрѣпленія, но и ворвались въ него и стали уже было сталкивать орудія, но подошедшія подкрѣпленія дали туркамъ несоразмѣрное превосходство силъ, и наши храбрецы были выбиты. Между тѣмъ, генералъ Дандевиль, видя эту

неожиданную атаку псковцевъ и не сомнѣваясь, что она будетъ отбитая, выдвинулъ два баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка: одинъ, чтобы принять на себя отступающія роты Псковскаго полка, а другой для демонстраціи противъ сосѣднихъ укрѣпленій, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ Гильдисъ-таби и лишить возможности дѣйствовать сосредоточенно. Псковцы отошли благополучно, понеся, впрочемъ большія потери: около 140 человекъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими.

Измайловцы, исполнивши свою задачу, тоже возвратились на позицію, потерявъ четырехъ убитыми и 28 ранеными. Изъ числа офицеровъ въ псковскихъ ротахъ ранено два, въ Измайловскомъ полку одинъ. Общій ходъ дѣла, завязка, цѣли и результаты изложены мною съ полной достовѣрностью. Послѣ этого читатель оцѣнитъ надлежащимъ образомъ показаніе «Очевидца», состоявшаго въ арміи Мехмеда-Али и напечатавшаго свой рассказъ объ оборонѣ Этропольскихъ Балкановъ турецкими войсками въ берлинскомъ журналѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*».

Переводъ этой статьи помѣщенъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1878 г. № 9 й. Вотъ краткая выписка изъ этой статьи, касающейся выше изложеннаго дѣла:

«Вслѣдъ за симъ, около 12 часовъ дня, усмотрѣно было необычайно движеніе въ русскихъ войскахъ, стоявшихъ къ сѣверу отъ правофланговаго турецкаго укрѣпленія. Небольшіе казачьи разъѣзды, прикрывая свой правый флангъ со стороны орханійскаго дефиле, расположились за отдѣльными группами деревьевъ; другіе, болѣе значительные кавалерійскіе отряды, силою до одного эскадрона, спустившись въ помянутое дефиле, стали выдвигать передовые посты въ предѣлахъ турецкаго оборонительнаго района; между тѣмъ какъ другіе непріятельскіе отряды двинулись по дорогѣ, ведущей въ долину сухой рѣки.

«Артилерійская стрѣльба, въ теченіе утра производившаяся съ обѣихъ сторонъ довольно медленно, въ это время оживилась; но въ 12^{3/4} часъ русскія орудія совершенно прекратили огонь. Густыя цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ вышли изъ укрывавшаго ихъ лѣса и двинулись по направленію на Гильдисъ-табию; въ разстояніи 400—500 метровъ за ними слѣдовали резервы, которыхъ насчитывалось до пяти баталіоновъ (1). Противъ нихъ-то оба орудія, стоявшія на сѣверномъ фронтѣ помянутаго редута, направили весьма оживленный, но довольно бесплодный огонь.

«Перестрѣлка между русскою цѣпью, наступавшею перебѣжками, и турецкими войсками, занимавшими Гильдисъ-табию, началась въ разстояніи около 1.000 метровъ отъ названнаго редута. Обороняющіеся, сначала отвѣ-

(1) Всего участвовало въ атакѣ три роты.

чавшіе на огонь съ дальнихъ дистанцій, совершенно прекратили стрѣльбу, когда русскіе подошли на 400—500 метровъ къ укрѣпленію; затѣмъ, когда противникъ подвинулся на самое близкое разстояніе, противъ него открытъ былъ убійственный огонь.

«Натискъ русскихъ совершенно не удался; нѣсколько стрѣлковъ ихъ, взобравшихся на брустверь (въ 4 метра вышиною) и открывшихъ огонь внутрь укрѣпленія, были заколоты штыками. Три турецкихъ баталіона бросились преслѣдовать русскихъ, но, будучи вскорѣ остановлены, сопровождали отступающихъ ружейными выстрѣлами. Между тѣмъ непріятельскія войска успѣли уже отойти на 2,000 метровъ отъ редута. Подъ огнемъ гранатъ изъ Гильдисъ-табин, они собрались, устроились и вновь были отведены за лѣсную опушку.

«Послѣ отбитія штурма съ сѣверной стороны Гильдисъ-табин, предпринята была русскими вторичная атака ⁽¹⁾ съ восточной стороны, противъ южнаго фронта и горжи редута и расположеннаго около него турецкаго лагера. Эта атака, которую надлежало бы произвести одновременно съ первою, тоже окончилась неудачно. Пять русскихъ ⁽²⁾ баталіоновъ, двинувшихся было впередъ съ крикомъ «ура!» вскорѣ поспѣшно отступили къ лѣсу, въ совершенномъ разстройствѣ. Мѣстность, по которой они сначала двигались, перестроившись въ ротныя колонны, весьма благопріятствовала наступленію, будучи покрыта лѣсомъ; но для послѣдняго натиска роты опять соединились въ баталіонныя колонны ⁽³⁾ (?) и въ такомъ порядкѣ должны были пройти разстояніе около 500 метровъ, подъ огнемъ турецкаго укрѣпленія, по совершенно открытой мѣстности.

«Общій уронъ русскихъ, по турецкому исчисленію, доходилъ до 250 или 300 ⁽⁴⁾ человекъ».

По окончаніи дѣла, турки начали снова ожесточенно обстрѣливать позицію генерала Дандевилля; гранаты то ложились на батарею и по сосѣдству отъ нея, то далеко перелетали, вѣроятно посланные на угадъ по предполагаемому мѣсту расположенія резервовъ—одинъ изъ любимыхъ турками способовъ обстрѣливанія. Но голодь и холодъ взяли свое, и наши тутъ же за скатомъ скоро начали разогрѣвать чайники; артиллеристы любезно согрѣли насъ благодѣтельнымъ напиткомъ. Одинъ генералъ Красновъ, оставаясь все время на самомъ гребнѣ высоты, тщательно выслѣживалъ, чтó дѣлается у противника. Къ вечеру мы съ генераломъ Раухомъ вернулись къ подножію Балкановъ, на такъ называемый «драгунскій бивакъ», гдѣ и переночевали.

На другой день начался подъемъ войскъ на лѣвую гору и къ 19-му

(1) Читатель знаетъ уже смыслъ этой «атаки».

(2) Два баталіона.

(3) Это невѣрно.

(4) 175 человекъ (съ офицерами).

А. П.

А. П.

А. П.

А. П.

числу отрядъ генерала Рауха сосредоточился на Шандорникской позиціи. Составъ его былъ слѣдующій: полки—лейбъ-гвардіи Преображенскій, лейбъ-гвардіи Семеновскій, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, 11-й пѣхотный Псковской (въ командованіе которымъ вступилъ энергическій, распорядительный подполковникъ Кобордо), одинъ эскадронъ Екатеринбургскаго драгунскаго полка, 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и четыре орудія 16-й конной батареи (два остальныхъ орудія остались внизу, на драгунскомъ бивакѣ).

Много было уже говорено и писано о степени проходимости Балкановъ, причемъ часто утверждали, что можно въ любомъ направленіи ихъ провести черту, послать пѣхоту, и она перейдетъ нѣкогда считавшійся, на большемъ своемъ протяженіи, недоступный Балканъ.

Все это, конечно, справедливо, если не принимать въ соображеніе времени года, срока, въ теченіе котораго должно быть исполнено движеніе, и численности войскъ. А между тѣмъ, въ военныхъ операціяхъ, вышеуказанныя условія имѣютъ первостепенную важность. Мы это узнали личнымъ опытомъ, когда пришлось подниматься на Шандорникъ, съ артилеріей, по дорогѣ, уже существовавшей и которой пользовалась турецкая армія.

Верстахъ въ семи—восьми за Этрополець, дорога, идущая сначала въ западномъ направленіи, поворачиваетъ влѣво и здѣсь-то начало подъема къ Шандорнику. Весь подъемъ составляетъ семь—восемь верстъ протяженія и идетъ по скату, покрытому густымъ строевымъ буковымъ лѣсомъ. Конечно, подобный путь можетъ быть только въ Турціи названъ «дорогою»; въ сущности, это тропа, незамѣтно вьющаяся среди деревьевъ. Почва на всемъ протяженіи состоитъ изъ какаго-то гнилаго, мѣстами легко распадающагося, камня и глины, какъ продукта разложенія горныхъ породъ. Вслѣдствіе почти постоянной сырости, господствующей на этихъ высотахъ, непрерывно посѣщаемыхъ облаками, почва имѣетъ чрезвычайно рыхлый характеръ, и, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ необъятное море грязи. Послѣ же прохода турецкихъ и нашихъ войскъ по дорогѣ, на ней появились въ буквальномъ смыслѣ слова, цѣлыя рѣки, состоявшія изъ желтой глинистой грязи и мелкихъ камешковъ. Часто потокъ этой, своего рода, лавы сворачивалъ съ пути, прорывъ для себя выходя, и медленно спускался въ боковые овраги и глубокія лощины. Подъемы на дорогѣ иногда такъ круты, что, ѣдучи верхомъ, приходилось держаться за холку лошади. Коня наши трусливо взирались на высоты: ступая въ лужу, они могли попасть или на скользкій камень, или на круглую гальку, которая выворачивается подъ копытомъ, и такимъ обра-

вомъ требуется величайшее усиліе, чтобы удержать на поводьяхъ падающую лошадь. А между тѣмъ, медленно ступая, переходя съ одного гребня на другой, кажется никогда не дождешься конца этого опостылявшаго подъема.

Само собою разумѣется, что подъемъ артилеріи на лошадяхъ оказывался тамъ рѣшительно невозможнымъ, и она была поднята волами и геройскими усиліями людей. Зарядныхъ ящиковъ, этой истинной нашей обуви въ горахъ, и не пытались перевозить; снаряды доставлялись на рукахъ....

Въ каждое 4-хъ и 9-ти-фунтовое орудіе впрягалось четыре—шесть паръ воловъ и назначалась команда для пособія. За недостаткомъ же воловъ, орудія перевозились исключительно людьми, которые тянутъ за дышло, лямки, отвозы, наватываютъ колеса и т. п. На каждое орудіе необходимо было около одной роты пѣхоты. Нѣсколько дней подрядъ можно было совершать медленное движеніе изогнувшихся въ поясъ людей, загрязненныхъ съ головы до ногъ и обливавшихся обильнымъ потомъ; орудіе шло то цѣпляясь за деревья, то попадая въ глубокія выбоины, послѣ чего непремѣнно слышалось дружное «разъ, два, три—бери!» Орудіе по прошествіи полусутокъ приплетается, наконецъ, на позицію; при неблагоприятныхъ случайностяхъ время это чуть-ли не удваивается.

17-го ноября были подняты на горы два взвода конной № 16-го батареи.

18-го ноября, въ 4 часа по полудни, 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, получила приказаніе перейти на бивакъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, съ тѣмъ чтобы на другой день подняться на горы. Переходъ этотъ былъ крайне труденъ и утомителенъ по случаю наступившей темноты и чрезвычайно дурной каменистой пересѣченной дороги, причемъ приходилось проходить въ бродъ горный ручей до 20 разъ. Люди и лошади были страшно утомлены, тѣмъ не менѣе, вначалѣ 10 часа вечера, батарея достигла драгунскаго бивака и стала на ночлеги.

Утромъ 19-го ноября двинулся въ горы весь Преображенскій полкъ, который, дойдя до драгунскаго бивака, долженъ былъ втащить на горы 2-ю батарею. Тотчасъ по прибытіи полка къ упомянутому биваку, батарея двинулась далѣе въ горы. Съ первыхъ же шаговъ пришлось отпречь всѣхъ уносныхъ лошадей и двигать далѣе орудія и зарядные ящики только на коренныхъ лошадяхъ и на людяхъ, для чего весь Пре-

ображенскій полкъ былъ распределенъ по-ротно на всѣ орудія, передки и зарядные ящики.

Погода до 11-ти часовъ утра была пасмурная, при сильномъ вѣтрѣ; съ 11-ти же часовъ утра пошелъ сильный дождь, продолжавшійся до 9-ти часовъ вечера. Движеніе по едва доступной и для пѣшехода горной тропѣ и частью по устраиваемой въ то время лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ новой еще не оконченной дорогѣ было преисполнено невѣроятными трудностями, и люди утомлялись до полного изнеможения, не будучи въ состояніи отходить отъ орудія ни на шагъ изъ опасенія, что послѣднее скатится въ кручу.

Ночь застала батарею въ пути, но уже не далеко отъ предназначенныхъ ей позицій. Приказано было остановить движеніе за буквальной невозможностью продолжать его, и батарея вмѣстѣ съ полкомъ остановилась тамъ, гдѣ застала ихъ темнота. Дождь страшно распустилъ глинистую почву, и скаты горъ, по которымъ пролегла дорога, были такъ круты, что не дозволили людямъ ложиться. Вслѣдствіе того, всѣ они провели ночь безъ сна, стоя у огней и близъ орудій, которые были кое-какъ подперты камнями, бревнами и привязаны къ ближайшимъ деревьямъ.

20-го числа погода была ясная, по временамъ облачная. Движеніе началось немедленно съ разсвѣтомъ, и къ 11-ти часамъ два первыя дивизионъ былъ поставленъ въ лѣсу, на площадкѣ горнаго гребня, занятаго нашими войсками; 2-й дивизионъ былъ придвинутъ на другую подобную же площадку, правѣе и около 200 футовъ выше первой. Для перваго дивизиона были уже насыпаны небольшіе ложементы, 2-й же дивизионъ былъ поставленъ пока за скатомъ гребня. Въ ночь съ 20-го на 21-е число, гвардейскіе саперы обратили ложементы 1-го дивизиона въ батарею, такъ называемую «лѣсную», и построили новую батарею для 2-го дивизиона. «Лѣсная» батарея была расположена на выступѣ горы въ густомъ буковомъ лѣсу. Между нею и Шандорникомъ находился глубокой, поросшій лѣсомъ оврагъ, занятый окопавшимися по всей линіи нашими передовыми постами. Деревья, связывая которыхъ производилась стрѣльба, вполне маскировали эту часть нашей позиціи. На лѣсной батареѣ находился взводъ 16-й конной батареи при полковникѣ Ореусѣ, принявшемъ общее командованіе надъ упомянутой батареѣй. Одинъ взводъ 16-й конной батареи былъ поставленъ на пригоркѣ, позади лѣснаго фланга позиціи, на такъ называемой батареѣ Ореуса, и при немъ одинъ баталіонъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка, для прикрытія дороги въ городъ Этрополь.

Позиція эта вполне удовлетворяла своему назначенію; она состояла

изъ естественнаго редута, съ крутыми скалистыми оврагами въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, окружавшихъ ее съ трехъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ на двухъ горахъ, Шандорникъ и Вратешкѣ, начальствовали генералы Раухъ и Дандевилъ, на правомъ нашемъ флангѣ всѣ войска были подчинены генераль-адъютанту графу Шувалову. Въ приказѣ отъ 19-го ноября было сказано:

1.

«Войска, собранныя на Софійскомъ шоссе между Правцемъ и Арабъ-Конакомъ, подчиняются генераль-адъютанту графу Шувалову. Войска эти слѣдующія: Гвардейская Стрѣлковая бригада, 4 баталіона; лейбъ-гвардіи Московскій и Павловскій полки—8 баталіоновъ; 1-я, 3-я и 6-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—24 орудія; вся 2-я гвардейская артилерійская бригада—48 орудій; двѣ батареи 3-й артилерійской бригады—16 орудій; гвардейская драгунская бригада и полки лейбъ-гвардіи Уланскій и лейбъ-гвардіи Гусарскій—16 эскадроновъ; 2-я, 5-я и 6-я батареи гвардейской конной артилеріи—14 орудій; Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона; 8-я и 15-я донскія казачьи батареи—12 орудій; всего 12 баталіоновъ пѣхоты, 88 пѣшихъ орудій, 20 эскадроновъ, 26 конныхъ орудій. Всѣ эти войска составятъ правый орханійскій отрядъ. Свиты Его Величества генераль-майоръ Эллисъ 1-й остается начальникомъ авангарда праваго отряда.

«На генераль-адъютанта графа Шувалова возлагается задача: 1) вести наступленіе противъ позиціи у Арабъ-Конака и 2) охранять Орханійскую долину съ праваго фланга.»

2.

«Командиръ 4-го Екатеринославскаго драгунскаго полка полковникъ Ребиндеръ назначается начальникомъ коммуникаціонной линіи между гор. Этрополемъ и передовыми позиціями на высотахъ Шандорника и Вратешки.»

«Подписаль: начальникъ отряда, генераль-адъютантъ *Гурко*.»

Ходъ атаки псковцевъ 17-го ноября показали, что турки, не смотря на грозныя укрѣпленія, не особенно сильны на занятой ими позиціи: три роты Псковскаго полка едва не овладѣли важнѣйшимъ изъ этихъ укрѣпленій, которое мы тогда называли шандорникскимъ редутомъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ ложементъ сильной профили, приспособленный для артилерійской обороны, причемъ каждое орудіе было ограждено траверсами, образовавшими родъ маленькихъ редутиковъ при ложементѣ. Кромѣ того, къ самому укрѣпленію можно было, повидимому, подобраться безъ особенныхъ потерь, такъ какъ оно было расположено на высотѣ, имѣвшей чрезвычайно крутые скаты, т. е. образовавшихъ значительныя жертвы въ пространства вблизи

укрѣпленія. Постоянное почти присутствіе облаковъ, окружавшихъ высоту, еще болѣе способствовало скрытности приближенія атакующаго. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, генераль Раухъ рѣшился было атаковать Шандорникъ 20-го ноября. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ на передовую позицію старшихъ начальниковъ, до баталіонныхъ командировъ включительно, и указалъ каждому направленіе, по которому каждая часть должна была двинуться. Офицеры Псковскаго полка, участвовавшіе въ атакѣ 17-го ноября, вызвались сами показывать путь войскамъ, назначеннымъ для штурма. Самую атаку предполагалось повести въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ утра должна была начаться бомбардировка турецкаго укрѣпленія и продолжаться до 12-ти часовъ дня. Затѣмъ рѣшено было двинуть: съ праваго фланга лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, съ лѣваго лейбъ-гвардіи Преображенскій — въ обходъ праваго фланга турокъ, а въ общемъ резервѣ—11-й пѣхотный Псковскій полкъ. По занятіи редута предполагалось немедленно ввести въ укрѣпленіе четыре орудія 16-й конной батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Раухъ написалъ 19-го ноября генералу Дандевиллю записку, прося его поддержать атаку, какъ артилерійскимъ огнемъ, такъ и демонстраціей. Въ тотъ же день полученъ былъ отвѣтъ, помѣченный 6¹/₂ часовъ вечера, въ которомъ генераль Дандевиль писалъ:

«У меня на позиціи 10 орудій 9-ти фунтовыхъ, ожидающихъ только ясной погоды, чтобы бомбардировать Шандорникъ (главный редутъ) и другіе. Стало быть, начнемъ вмѣстѣ. Сигналь—ясная погода и отсутствіе тумана на главномъ редутѣ.

«Поддержимъ вашу атаку и пѣхотою, лишь было бы ясно. Московскій полкъ въ связи со мною разѣздами и аванпостами. Къ разсвѣту жду еще 6 орудій, но они специально назначаются для Арабъ-Конака и выдвигаются впередъ праваго фланга, когда будетъ ясно. Сегодня, за туманомъ, бомбардировки не было и только пристрѣлка орудій.—Сигналь бомбардировки, еще (повторяю)—ясная погода и частая пальба съ вашей стороны».

Итакъ, всѣ приготовленія для штурма сдѣланы!

Но отъ 20-го числа была получена записка генеральнаго штаба полковника Сухотина слѣдующаго содержанія: «генераль-адъютантъ Гурко приказалъ: до особаго приказанія, движенія на Миргово не предпринимать». Самъ же генераль-адъютантъ Гурко, прибывши къ намъ на позицію, отмѣнилъ приказаніе относительно штурма и приказалъ заняться укрѣпленіемъ позиціи и усиленнымъ бомбардированіемъ противника.

Тогда уже мы могли заключить, что на основаніи общихъ со-

ображеній, намъ придется въ теченіе нѣкотораго времени ограничиться пассивнымъ пребываніемъ на высотахъ въ виду противника.

20-го же числа получена была записка отъ генерала Нагловскаго: Начальникъ отряда приказалъ прислать въ Этрополь два баталіона пѣхоты, взамѣнъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, такъ какъ съ отъправленіемъ этого полка въ Орханіэ, въ Этрополь нѣтъ болѣе резерва». Въслѣдствіе этой записки, были спущены внизъ два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Затѣмъ, генераль Раухъ отдалъ 20-го ноября по отряду слѣдующее приказаніе:

«Войскамъ вѣреннаго мнѣ отряда занять слѣдующее расположеніе:

«1) На крайнемъ правомъ флангѣ, за батарею полковника Геринга (наивысшая), расположиться одному баталіону лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; баталіону этому стать бивакомъ и выставить по одной дежурной ротѣ въ прикрытіе къ батарее.

«2) Двумъ ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка стать въ прикрытіе къ батарее полковника Ореуса (средняя или лѣвая).

«3) Шести ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и одному баталіону 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка расположиться въ общемъ резервѣ, выдвинувъ одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка нѣсколько впередъ въ видѣ частнаго резерва праваго фланга общаго расположенія. Общему резерву эшелонироваться по обѣ стороны дороги, начиная отъ теперешняго бивака лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и къ низу.—Остальные два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка получать особое назначеніе.

«4) Аванпосты содержать слѣдующимъ образомъ: а) одному баталіону 11-го пѣхотнаго полка стать при двухъ орудіяхъ полковника Ореуса, находящихся на нижней позиціи, и охранять аванпостами лѣвый флангъ общаго расположенія; б) одному баталіону 11-го пѣхотнаго полка прикрыть аванпостами правый флангъ общаго расположенія и держать связь съ отрядомъ генерала Дандевилля; впереди центра аванпосты содержать одному баталіону лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, связывавсь вправо и влѣво съ аванпостами, выставляемыми отъ 11-го пѣхотнаго полка.

«5) Всѣмъ войскамъ разрѣшается устраивать закрытія отъ ружейныхъ пуль.»

Съ 21-го началась правильная бомбардировка турецкихъ укрѣпленій. Баталіоны по очереди отправлялись внизъ на бивакъ драгунскаго полка; здѣсь каждый нижній чинъ получалъ на руки одну гранату и съ этимъ грузомъ возвращался на гору. Если принять въ соображеніе, что наша 9-ти-фунтовая граната вѣситъ около 29 фунтовъ, то можно себѣ представить трудъ пѣхотинца, тащившагося съ такимъ грузомъ на вершины

Балкановъ по тропѣ, передъ отвратительнымъ состояніемъ которой блѣднѣетъ всякое описаніе!

Замѣчу, что позиція отряда генерала Рауха составляла крайній лѣвый флангъ нашего расположенія на Балканахъ; справа къ ней непосредственно примыкала позиція генераль-маіора Дандевилля, тянувшаяся параллельно средней части непріятельскаго расположенія. Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ и верхомъ (т. е. по обѣ стороны) на софійскомъ шоссе противъ форта Арабъ-Конакъ пролегала позиція генераль-маіора Эттера. Общее командованіе надъ всею балканскою позиціей было ввѣрено генераль-адъютанту графу Шувалову. 21-го числа, въ 7^{3/4} часа утра, открытъ былъ огонь по непріятельскому редуту на вершинѣ горы Шандорникъ и по работамъ въ ложементахъ влѣво отъ него. Сперва верхняя и лѣсная батареи стрѣляли шрапнелью, но около 12-ти часовъ дня верхней батарее приказано стрѣлять шарами, для того чтобы сбить непріятельскія орудія. Огонь приходилось вести при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ: непріятельскій редутъ превышалъ лѣсную батарею на 400 фут. при дальности выстрѣла въ 650 саж., а верхнюю слишкомъ на 200 фут. при той же дальности. Наблюденіе за паденіемъ снарядовъ при такихъ условіяхъ было трудно для верхней и почти невозможно для лѣсной батареи, тѣмъ не менѣе стрѣльба шла успѣшно. Непріятель дѣятельно отвѣчалъ изъ трехъ орудій. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ верхней батареи заставили замолчать одно изъ непріятельскихъ орудій къ часу дня, а въ три часа противникъ совершенно прекратилъ огонь. Стрѣльба залпами продолжалась во всю ночь, черезъ опредѣленные промежутки времени. 22-го числа приказано было стрѣлять по-орудійно. Непріятель весь день не отвѣчалъ.

Въ тотъ же день утромъ остальные два баталіона Преображенскаго полка были отправлены на подкрѣпленіе и въ распоряженіе генераль-маіора Дандевилля, такъ какъ турки атаковали войска наши, занимавшія софійское шоссе; въ ночь съ 22-го на 23-е число одинъ взводъ артилеріи былъ переведенъ на верхнюю батарею. Съ утра 23-го ноября было приступлено къ окончательному укрѣпленію занимаемой нами позиціи. Кроме того, стрѣльба снизу вверхъ оказалась мало дѣйствительною, а потому на высотѣ правѣе и значительно впереди верхней батареи, футовъ 150 выше послѣдней, заложена была новая батарея на два орудія, и въ слѣдующую затѣмъ ночь орудія были ввезены туда при участіи 1-го баталіона Семеновскаго полка. Правѣе этой новой батареи, а также влѣво отъ нея, были вырыты ложементы. Передъ фронтомъ позиціи, начиная отъ верхней батареи и въ обхватъ лѣваго

фланга лѣсной батареи, были устроены засѣки и завалы изъ срубленныхъ деревьевъ. Ложементы и засѣки были устроены и вокругъ высоты, на которой расположена была батарея Ореуса. Устройство заваловъ сопряжено было съ значительными затрудненіями, такъ какъ вслѣдствіе недостатка топоровъ пѣхота должна была рубить деревья тесаками. Болѣе толстые стволы были опрокидываемы при помощи взрывовъ динамитомъ, работа, которую съ большимъ успѣхомъ руководилъ лейбъ-гвардіи Сепернаго баталіона капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, оставшійся съ одною ротою названнаго баталіона при отрядѣ. Остальная часть сепернаго баталіона была отправлена въ распоряженіе генераль-адъютанта графа Шувалова. Вся наша позиція была почти сплошь покрыта густымъ буковымъ лѣсомъ. Стволы вѣковыхъ буковъ, опрокинутые бурей и пережившіе свой вѣкъ, лежали вдоль и поперекъ между другими еще свѣжими деревьями.

Многіе стволы бука достигали до 1½ аршинъ въ діаметрѣ, и для того чтобы сложить такую громадину, въ одномъ случаѣ потребовался взрывъ 17 фунтовъ динамита. Для связи съ отрядомъ генераль-маіора Дандевилля, была разработана саперами, при помощи преображенцевъ, дорога около 1½ версты длиною, отъ занимаемой нами позиціи войскъ праваго фланга. 23-го числа погода была туманная, и редутъ Шандорникъ былъ видѣнъ только по временамъ и не на долго. Непріятель усердно работалъ, исправляя и усиливая свои постройки. Въ первомъ часу дня нѣсколько прояснилось и немедленно началась очень жаркая орудійная перестрѣлка; непріятель отвѣчалъ шрапнелью изъ трехъ орудій; особенно сильный непріятельскій огонь былъ направленъ на лѣвый флангъ верхней батареи и на лѣсную батарею, причемъ были ранены пять нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, стоявшихъ въ дежурной части при батарее. Гранаты иногда падали даже на бивакъ, не причинивъ, къ счастью, никакого вреда. Спустившаяся около 3½ часовъ туча прикрыла обонхъ противниковъ и заставила насъ прекратить огонь.

24-го ноября, утромъ, можно было сдѣлать только два выстрѣла; затѣмъ приказано было прекратить стрѣльбу, которая уже не возобновлялась вслѣдствіе тумана и работъ по усиленію позицій, какъ въ этотъ день, такъ равно и въ послѣдующія числа, 25-го и 26-го ноября.

24-го ноября было приступлено къ постройкѣ редута, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже до того на самой верхней площадкѣ была устроена батарея на два орудія. Редутъ былъ устроенъ на баталіонъ, и постройка его окончена только 26-го ноября. Всѣ 9-ти-фунтовыя орудія были

распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ редутъ — два, а на верхней батарее полковника Геринга — шесть. Такимъ образомъ, въ лѣсной батарее остались только два 4-хъ фунтовыхъ конныхъ орудія, для которыхъ былъ построенъ особый эполемента съ цѣлью фланкировать подступы къ редуту, и въ верхней батарее (1).

Теперь скажу нѣсколько словъ о характерѣ нашихъ работъ и о нашемъ бытѣ въ горахъ.

По доставкѣ артилерія, нужно было устроить для нея батареи, прикрытія для охраняющей ея пѣхоты, для резервовъ, помѣщенія для снарядовъ и пр. Начинаются утомительныя земляныя работы, которыя тѣмъ труднѣе, что, во-первыхъ, приходилось работать или ночью, или когда найдетъ облако, а во-вторыхъ, потому что противникъ занималъ командующую позицію и приходилось дефилировать все насыпи. При всемъ томъ, весь бивакъ находился подъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ турокъ. Такъ какъ мы расположены были въ лѣсу, то нерѣдко гранаты, ударившись о деревья, разрывались и осыпали насъ даже вопреки намѣренію нашего противника.

Въ нѣсколькихъ палаткахъ офицеры, возвращавшіеся съ работъ къ себѣ, находили на постеляхъ осколки гранатъ или пули картечной гранаты. Къ счастью, турки были не назойливы и отвѣчали исключительно лишь на нашъ огонь, а ружейной пальбы вовсе не открывали. Такимъ образомъ, если мы желали спокойно работать, то стоило лишь молчать нашей артилеріи, и турки навѣрно насъ не побеспокоятъ.

Кромѣ возведенія батарей, ложементовъ, редутовъ и проч., намъ приходилось устраивать и засѣки въ лѣсу. При этомъ-то особенно чувствовался недостатокъ топоровъ въ нашихъ войскахъ; приходилось пускаться въ ходъ тесаки, которые почти совершенно безсильны при рубкѣ твердыхъ, толстыхъ буковыхъ деревьевъ, представляющихъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ древесныхъ породъ. Вообще не только въ топорахъ, но и въ прочемъ шанцевомъ инструментѣ мы чувствовали недостатокъ, а кирки полезно бы, казалось, измѣнить. Находящійся въ войскахъ образецъ кирки не соответствуетъ необходимымъ требованіямъ при разработкѣ каменистаго грунта, а потому приходилось употреблять почти исключительно большія кирки, имѣвшіяся въ саперномъ баталіонѣ.

Какъ я уже сказалъ выше, намъ приходилось устраивать на нашей позиціи засѣки; при недостаткѣ топоровъ и несоответственности

(1) Свѣдѣнія относительно работъ пополнены мною изъ статьи барона Каульбарса (помѣщенной въ газетѣ «Правда»), съ которымъ мы жили вмѣстѣ на Блуканахъ.

для этой цѣли тесаковъ, мы должны были обратиться къ динамиту. Для этого, на известной высотѣ дерева привязывается нѣсколько патроновъ; одинъ изъ нихъ вскрывается и въ него помѣщается фитиль. Работающій при этомъ саперъ зажигаетъ фитиль и быстро отбѣгаетъ къ прочимъ людямъ, находящимся шагахъ въ полтораста. Послѣ непродолжительнаго, но томительнаго ожиданія, слѣдуетъ оглушительный взрывъ, какъ выстрѣлъ изъ пушки, и дерево... не всегда валится, хотя заряды бываютъ въ три—четыре фунта. Одно буковое дерево, въ аршинъ діаметромъ, потребовало заряда въ 17 фунтовъ динамита. Говорятъ, что береза, ель и проч. слабыя древесныя породы срѣзываются динамитомъ какъ бритвой, но букъ сопротивляется, и динамитъ дѣлаетъ въ немъ или только углубленіе, или валить его, расщепивъ на нѣсколько футовъ.

Итакъ, укрѣпленіе позиціи, работы днемъ и ночью, сторожевая служба, стрѣльба въ безоблачное время — вотъ наша, такъ сказать, позиціонная дѣятельность. Что же касается нашего «домашняго быта», обстановки жизни на позиціи, то все это было на столько необычайно, что можетъ послужить одной изъ важнѣйшихъ характеристикъ зимняго похода черезъ Балканы. Вѣчная мгла и днемъ и ночью окутывала насъ. Платье, вещи, палатки и проч., все это пропиталось сыростью и никогда не высыхало; почва сочилась подъ ногами, и, за отсутствіемъ подстилки, людямъ приходилось ложиться прямо въ грязь, состоящую изъ размокшей глины и слоя прогнившихъ буковыхъ листьевъ. Нѣсколько разъ въ день мы испытывали своеобразное ощущеніе, находясь въ самомъ средоточіи образованія дождя, съ каждаго листа, съ каждой вѣтки падали на насъ громадныя капли зарождающагося дождя, приходилось дышать постояннымъ паромъ, который осаждался на всемъ: на платьѣ, на усахъ, бородѣ, и держалъ ихъ постоянно въ состояніи обильной влажности. Иногда къ утру палатка покрывалась толстымъ слоемъ снѣга, который, подъ влияніемъ дневной теплоты и дождя, быстро таялъ, окончательно превращая весь бивакъ въ непроходимую грязную лужу. Чтобы пройти съ одвого конца бивака на другой, мы вооружались прочными посохами, служившими, кромѣ того, пособіемъ при движеніяхъ по крутымъ склонамъ, на которыхъ расположенъ былъ нашъ бивакъ, или, вѣрнѣе, боевая позиція.

За отсутствіемъ сухаго дерева, на костры употреблялся окружающій насъ въ изобиліи сырой букъ. Послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ пошѣтокъ, удавалось наконецъ разжечь костеръ; но являлась другая бѣда: вѣтеръ въ горахъ непрерывно мѣнялъ направленіе; вслѣдствіе этого дымъ крутился по всему биваку, причемъ никакъ нельзя

было принаровиться къ нему, расположившись у костра, почему глаза наши сильно страдали отъ ѣдкаго дыма. Вотъ условія нашего отдыха послѣ дневныхъ и ночныхъ работъ.

Разумѣется, для маркитантовъ подобная обстановка слишкомъ непривлекательна, и мы питались солдатской пищей, употребляя сухари, мясо и чай. У нѣкоторыхъ счастливицковъ сохранились еще петербургскіе запасы, или же они получили ихъ по какому нибудь счастливному случаю. Наилучшими консервами оказались слѣдующіе: офицерскія галеты; онѣ хотя не особенно вкусны и уступаютъ въ этомъ отношеніи другимъ видамъ, но приготовленныя безъ масла и сливокъ, отлично сохраняются. Точно также оказались превосходными по вкусу галеты, приготовленныя изъ муки съ отрубями; сливки - консервы тоже очень хороши; они сохраняются превосходно и придаютъ пріятный вкусъ чаю, приготовленному на плохой водѣ. Но особенно любимый у насъ консервъ—это кофе со сливками. На стаканъ горячей воды достаточно небольшой чайной ложки состава и два куска сахара, причемъ получается отличный, питательный кофе. Всѣ виды мясныхъ консервовъ оказались болѣе или менѣе неудовлетворительными, и были нерѣдкіе случаи заболѣванія отъ ихъ употребленія. Вообще въ теченіе кампаніи, мы, офицеры, не встрѣчали особеннаго затрудненія въ добываніи свѣжей говядины, да надо полагать, что при всякой европейской войнѣ менѣе всего мы будемъ чувствовать недостатокъ въ этомъ припасѣ. Такимъ образомъ запасы мясныхъ консервовъ оказываются излишними. Весьма любимымъ продуктомъ оказался шоколадъ: при небольшомъ объемѣ и прочности сохраненія, онъ въ небольшихъ дозахъ утоляетъ чувство голода. Воды на позиціи у насъ почти не было; небольшой ключъ осаждался съ утра до вечера чающими очереди и окруженъ былъ моремъ грязи; во время же пальбы онъ обстрѣливался гранатами. Поэтому слѣгъ служилъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ для добыванія воды. За фуражомъ приходилось посылать чуть ли не на цѣлые переходы въ сторону, и легко понять, чего это стоило, припомнивъ, что для этого приходилось спускаться съ Большихъ Балкановъ и затѣмъ подниматься на самый верхъ. Бѣдные наши кони, какъ вьючные, такъ и верховые артиллерійскіе, совершенно заморены были этими безпрестанными путешествіями.

Но всѣ вышеизложенныя тягости далеко не ослабляли энергію войскъ: они положительно гордились, что на ихъ долю выпала честь дѣлать такой славный походъ! При этомъ всѣ участники похода горѣли общимъ естественнымъ желаніемъ — поскорѣ спуститься въ долины и нѣсколькими ударами покончить съ врагомъ.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ предметахъ нашего походнаго снаряженія.

Палатки офицерскія, двускатныя, имѣютъ важное преимущество—*легкость*; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ онѣ уступаютъ турецкимъ. Последнія, какъ извѣстно, конусообразной формы и шиты изъ двойныхъ треугольныхъ холщевыхъ подотницъ, сходящихся узкимъ концомъ къ верху. Тамъ оставлено отверстіе, въ которое вставляется центральный шестъ, служащій общимъ упоромъ для всей палатки. Затѣмъ, внизу, кругомъ, приделаны веревочныя петли, въ которыя продѣваются маленькіе колышки, распирающіе палатку. Важныя достоинства этихъ палатокъ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ не промокаютъ. Можно сказать положительно, что еслибы мы были обезпечены всегда на войнѣ прочной крышей, то половины тягостей военнаго времени не существовало бы. Второе удобство турецкой палатки заключается въ томъ, что она позволяетъ стоять во весь ростъ. Оцѣнить эту выгоду можетъ только тотъ, для кого жизнь въ палаткѣ постоянная необходимость. Постоянно согнутое положеніе въ нашей двускатной палаткѣ чрезвычайно утомительно. Турецкая палатка даже слишкомъ высока; безъ всякихъ неудобствъ ее можно было бы сдѣлать ниже, что значительно облегчило бы ея вѣсъ—главный недостатокъ этихъ палатокъ. Въ видѣхъ облегченія вѣса турецкой палатки, можно было бы дѣлать ее не двойной, а одиночной, но изъ улучшеннаго матеріала.

Одинъ изъ недостатковъ нашихъ палатокъ заключался еще въ томъ, что некуда развѣсить платья; между тѣмъ въ турецкой—центральный шестъ служитъ отлично для указанной цѣли: стоитъ только вбить въ него нѣсколько гвоздей, или же, при изготовленіи его, не обрѣзывать снизу боковыхъ вѣтвей. Въ турецкой палаткѣ описаннаго вида совершенно свободно помѣщается два человѣка, а при необходимости найдется мѣсто и для третьяго.

Кровати. Наиболѣе распространены были среди офицеровъ у насъ гуталперчевыя мѣшки. Удобства ихъ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что они очень укладисты, а во-вторыхъ, въ ихъ непромокаемости. Но за то постели этого рода: 1) требуютъ подстилки, которую не всегда можно найти; 2) быстро охлаждаются отъ почвы; 3) легко доступны для всякаго рода ползающихъ насѣкомыхъ; 4) не могутъ служить сидѣніемъ. Кровати-гармоники типъ, хорошо извѣстный охотникамъ. Онѣ: 1) легки; 2) укладисты, но за то: 1) ломки; 2) очень низки, и потому не могутъ служить тоже для сидѣнія (весьма важное условіе въ походной жизни, по невозможности возить стулья); 3) наконецъ, вслѣд-

ствіе незначительной ихъ высоты, всё почвенныя испаренія непосредственно вдыхаются пользующимся такой кроватью.

Жельзные кровати, при всѣхъ своихъ испытанныхъ достоинствахъ, не могутъ имѣть примѣненія въ снабженіи младшихъ офицеровъ вслѣдствіе значительнаго (болѣе пуда) вѣса этихъ кроватей. Остаются, наконецъ, деревянные кровати, которыя: 1) легки (около 25-ти фунтовъ); 2) не требуютъ особаго тюфяка; 3) можно обойтись безъ подушки, такъ какъ головная часть дѣлается наклонной; 4) почти на половину своей длины служатъ сидѣньемъ. Недостатокъ этихъ кроватей заключается въ ихъ относительной непрочности—недостатокъ легко устранимый при болѣе рациональномъ ихъ устройствѣ.

Изъ одежды я упомяну лишь о *шведскихъ курткахъ*, состоящихъ изъ лайковой кожи и подбитыхъ фланелью. Куртки эти въ огромномъ количествѣ распространены были между офицерами гвардіи. И, дѣйствительно, онѣ превосходно предохраняли какъ отъ холода, такъ и отъ пронизывающаго вѣтра въ горахъ.

Неразрѣшимымъ для насъ оставался вопросъ, какъ предохранить отъ холода руки и ноги. При постоянной сырости воздуха, слякоти, грязи или наоборотъ—снѣгъ, оставаясь при этомъ цѣлыя недѣли на воздухѣ и не имѣя возможности просушиться, всё средства оказывались бесполезными, и мы не знали какъ помочь горю. Нѣкоторые сшили себѣ рукавицы и приобрѣли надежную защиту отъ холода, но за то уничтожили свободу движенія пальцевъ.

Во время нашей жизни въ горахъ произошло событіе весьма обыкновенное въ мирной жизни войскъ, но принявшее совершенно особый отбѣнокъ, благодаря той обстановкѣ, въ которой мы тогда находились.

26-го ноября георгіевскій праздникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ праздникъ 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. По этому случаю положено было отслужить молебенъ на самой батарее, находящейся на наивысшемъ пунктѣ нашей позиціи, въ 600 саженьяхъ отъ перваго и сильнѣйшаго турецкаго редута. Къ 10-ти часамъ утра прибылъ въ батарею начальникъ позиціи, генераль-маіоръ Раухъ, собрались свободные отъ службы георгіевскіе кавалеры полковъ: лейбъ-гвардіи Семеновскаго, Исковскаго пѣхотнаго, 16-й конной батареи и всѣ чины 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Посреди глубокой мглы началось молебеніе, къ концу котораго пріѣхалъ верховъ генераль-адъютантъ Гурко, со всѣмъ своимъ штабомъ.

Во время провозглашенія многолѣтія, облако вдругъ исчезло, и

шандорникскій турецкій редутъ совершенно ясно показался на горизонтѣ. Когда же затѣмъ провозглашены были дорогіе русскому сердцу тосты и раздалось потрясающее «ура», то турки, пораженные необычнымъ крикомъ, въ огромной массѣ показались на редутѣ и въ ложе-ментахъ. Надо замѣтить, что батарея была заложена и построена во время тумана и оказалась совершеннымъ сюрпризомъ для турокъ; поэтому можно было ожидать, что они откроютъ по ней убійственный ружейный и артилерійскій огонь. Но, по непонятной причинѣ, турки остались спокойными зрителями нашего торжества; у нашихъ артилеристовъ сильно чесались руки; соблазнъ былъ великъ: «вотъ бы теперь залпъ шрапнелью!» послышались голоса; но наши работы были не окончены, не слѣдовало дразнить безпечнаго противника, а потому стрѣльба была воспрещена. Генераль Гурко осмотрѣлъ внимательно произведенныя работы, и отправился дальше. Черезъ нѣсколько минутъ снова нашло облако и все приняло обычную фізіономію.

Между тѣмъ, 23-го ноября, былъ отданъ слѣдующій приказъ по отряду:

«1) Занятая войсками вѣреннаго мнѣ отряда позиція противъ Шандорника и Арабъ-Конака раздѣляется на два участка, — правый и лѣвый фланги. Правый флангъ, къ западу отъ шоссе; лѣвый — къ востоку отъ шоссе. Начальникомъ праваго фланга назначается Свиты Его Величества генераль-майоръ Эттеръ; начальникомъ лѣваго фланга — генераль-майоръ Дандевиль. Общес командованіе всеми войсками на позиціи возлагается на генераль-адъютанта графа Шувалова.

«2) Позицію предписываю занять слѣдующими войсками:

«а) *Правый флангъ* — 2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи при двухъ батареяхъ 2-й гвардейской артилерійской бригады.

«б) *Лѣвый флангъ* — 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, при трехъ батареяхъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, при одной батарее 2-й гвардейской артилерійской бригады и при 4-хъ орудіяхъ 16-й конной батареи. Такимъ образомъ вся позиція будетъ занята 18-ю баталіонами, 6-ю девяти-фунтовыми орудіями и 4-мя конными орудіями.

«4-й Екатеринославскій Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями 16-й конной батареи оставляется въ распоряженіи генераль-адъютанта графа Шувалова. Отъ войскъ лѣваго фланга держать постоянно въ Этрополь гарнизонъ изъ одной роты.

«3) Въ общій резервъ отдѣляются: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, гвардейская Стрѣлковая бригада; три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, три батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской

бригады, двѣ батареи 3-й артиллерійской бригады, четыре кавалерійскія полка 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, при трехъ конныхъ батареяхъ, Астраханскій драгунскій полкъ, 15-я Донская казачья батарея, 8-я Донская казачья батарея и конно-горная батарея. Резервомъ этимъ (всего 20 баталіоновъ, 64 пѣшихъ орудій, 20 эскадроновъ, 34 конныхъ орудій) командовать генералъ-маіору Рауху и расположить его въ окрестностяхъ Орханіэ и Врачеші. Лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ временно остается въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Шувалова.

«4) Главная квартира отряда переѣдетъ въ Орханіэ.

«5) Немедленно, не теряя ни одной минуты времени, предписываю приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались неприступными. Общее наблюденіе за возведеніемъ укрѣпленій возлагается на флигель-адъютанта полковника Скалона.

«При возведеніи укрѣпленій предписываю принять слѣдующіе принципы:

«а) На каждомъ участкѣ позиціи имѣть, въ видѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, въ особенности на флангахъ.

«б) Батарея и ложементы на главной позиціи, составляющей главную оборонительную линію, должны имѣть сильныя профили и достаточную высоту, чтобы люди могли ходить за брустверами не наклоняясь.

«в) Впереди главной линіи должны быть вынесены ложементы для стрѣлковъ, расположенныхъ не звеньями, а группами, т. е. взводами по новой терминологіи.—Ложементы должны быть вынесены довольно далеко, смотря по мѣстности и по разстоянію между главною оборонительною линією и укрѣпленіями непріятеля.—Если ложементы для стрѣлковъ будутъ вынесены впередъ отъ главной оборонительной линіи на разстояніе болѣе 300 шаговъ, то позади ихъ устроить ложементы для поддержки цѣпи.

«Въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія проходятъ въ лѣсахъ, устраивать засѣки и завалы. Для баталіона, стоящаго нынѣ между правымъ флангомъ позиціи генерала Дандевіля и шоссе, устроить непременно обширный редутъ съ большою профилью и внутренними траверсами.

«Между всѣми участками позиціи устроить, внѣ выстрѣловъ и по возможности скрытно отъ взоровъ непріятеля, удобные пути сообщенія, по которымъ можно бы было даже ввозить орудія. Въ особенности устроить хорошіе вѣзды на позиціи отъ шоссе, такъ какъ по нимъ будутъ направляемы на позицію снаряды, продовольствіе и поддержки.

«Для производства всѣхъ этихъ работъ назначается 23, 24 и 25-е ноября. Во всѣ эти дни войска, назначенныя для отхода въ резервъ, остаются на позиціяхъ и принимаютъ участіе въ прикрытіи работъ и въ производствѣ ихъ. По окончаніи работъ я лично объѣду всѣ позиціи и отдамъ приказаніе объ отводѣ, въ теченіе ночи, резервовъ во Врачеші и Орханіэ. Надѣюсь, что всѣ частные начальники приложатъ полную энергію къ производству этихъ необходимыхъ работъ въ возможно скоромъ

времени, такъ какъ отъ успѣха этихъ работъ зависитъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

«Въ виду крайней трудности доставки боевыхъ припасовъ предписываю расходовать ихъ съ большою осторожностію. Для этого безъ особой нужды болѣе 30 артилерійскихъ снарядовъ въ день не выпускать.

«Огонь артилерія направлять преимущественно для демонстрированія непріятельскихъ орудій. Для этого сосредоточивать огонь возможно большаго числа орудій, по одному редуту, затѣмъ по другому и т. д. Само собою понятно, что слѣдуетъ мѣшать работамъ непріятели и обстрѣливать войска, когда они подвернутся подъ выстрѣлы».

«Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*».

Послѣ объѣзда позиціи начальникомъ отряда, я съ генераломъ Раухомъ, въ распоряженіе котораго былъ назначенъ, и со всѣмъ штабомъ 1-й дивизіи, спустился 26-го ноября внизъ. Трудно выразить наше блаженство, когда мы, наконецъ, очутились въ теплой комнатѣ въ Этрополѣ. Десять дней мы не раздвѣвались днемъ и ночью: вся одежда и бѣлье отсырѣли, промокли, изгрядились. Въ Этрополѣ у важиточнаго хозяина, къ довершенію блаженства, можно было добыть еще яицъ и мягкаго хлѣба! Разумѣется, мы немедленно переодѣлись, пообедали и заснули какъ убитые до слѣдующаго дня. Изъ Этрополя мы отправились въ Орханію, гдѣ въ отрядномъ штабѣ получили необходимыя приказанія и затѣмъ переехали во Врачешъ. Войска, назначенныя въ составъ резерва, начали постепенно собираться и расположились въ Орханію, Врачешъ, Скривенахъ и другихъ сосѣднихъ деревняхъ по квартирамъ и только части, назначенныя для дежурства или на передовыя позиціи, стояли бивакомъ. Читатель уже знаетъ, что мы занимали по обѣ стороны софійскаго шоссе позицію Арабъ-Конакъ-Шандорникъ. Но замѣчательно при этомъ, что правый нашъ флангъ былъ осажень верстъ на 10 назадъ къ Врачешу, гдѣ противъ насъ находилась турки на такъ называемой «лютиковской позиціи». Случилось это такимъ образомъ, что при первоначальномъ движеніи генерала Элліса отъ Орханію къ Арабъ-Конаку, часть турокъ осталась на правомъ нашемъ флангѣ около Лютикова. Имѣя сильно укрѣпленную позицію и особую комунікаціонную линію, по превосходно разработанной дорогѣ на Яблоницу и Софію, турки не отступили вмѣстѣ съ другими своими частями, а остались въ видѣ наблюдательнаго передоваго отряда. Такъ какъ они сохраняли пассивное положеніе и не беспокоили насъ, то и мы до времени не тревожили ихъ. Противъ праваго фланга этой позиціи были выдвинуты нами стрѣлки, а противъ лѣваго генералъ Гурко приказалъ намъ выстроить два редута, что было крайне необходимо,

такъ какъ турки могли сосредоточить значительныя силы за упомянутымъ передовымъ отрядомъ и оттуда дебушировать въ орхачійскую долину. Сначала войсками противъ лютиковской позиціи командовалъ Свиты Его Величества генераль-маіоръ Эттеръ, отъ котораго начальствованіе и перешло къ генералу Рауху.

Между тѣмъ наступило суровое зимнее время. Выступили мы въ походъ еще при лѣтнихъ жарахъ; полушубками не запаслись, фуфайки у людей поизносились въ теченіе осени; сапоги, при постоянныхъ передвиженіяхъ въ грязи и слякоти, при недостаткѣ мази для нихъ, совершенно изодрались, а ранцы со вторыми сапогами остались въ Боготѣ и не были подвезены, такъ что люди ко времени наступленія стужи оказались безъ обуви. Страдая отъ холода, они стали прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы не отморозить ногъ; приобрѣтали кожи (невыдѣланныя), пользовались отбитыми у турокъ палатками одеждою и наворачивали все это на ноги, обвязывали веревками и ремешками и въ такомъ видѣ шлепали по грязи или утопали въ снѣгу. Но импровизованный сапогъ часто съѣзжалъ съ ноги, обнаруживая родую пятку или пальцы, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы промокала насквозь, превращаясь въ грязный комъ. Между тѣмъ холода все усиливались, морозы въ 12° — 15° были не рѣдкостью, снѣга выпали глубокіе и служба на аванпостахъ и въ дежурныхъ частяхъ становилась мучительной. Въ одномъ полку, по прибытіи на горы, въ первый день отморозилось 174 человѣка, во второй 96! Костры изъ сыраго дерева, срубленнаго послѣ величайшихъ усилій, не горѣли, а лишь слабо тлѣли; чтобы согрѣться, люди пододвигались къ самому огню, засыпали тамъ и просыпались лишь тогда, когда прожжена была шинель и все платье, а огонь подбирался къ самому тѣлу, потерявшему въ значительной степени чувствительность. Шапки тоже были часто прожжены, козырки оборваны, лицо не мыто цѣлыя недѣли, волосы на головѣ и бородѣ отросли; однимъ словомъ, тогдашній нашъ солдатъ по наружному виду ничего почти не имѣлъ общаго со столь знакомымъ въ мирное время типомъ. Усиленная работа требовала усиленной пищи, а между тѣмъ по трудности заготовленія и подвоза, сухарная дача была уменьшена на половину. Взамѣнъ того полагались усиленные порціи мяса, но оно трудно уваривалось на плохихъ кострахъ и по недостатку времени при усиленной службѣ на аванпостахъ и при работахъ по возведенію укрѣпленій; кромѣ того, часто ощущался недостатокъ въ соли, и потому мясо многимъ опротивѣло и оставался одни сухари, которые, при такихъ условіяхъ, расходовались быстрѣе чѣмъ слѣдовало, а затѣмъ люди голодали. Надо, впрочемъ, поблагода-

рять турокъ: они часто помогали намъ въ продовольственномъ отноше-
ніи. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Генераль Эллисъ, занявъ
Врачешъ, оказалъ отряду огромную услугу захватомъ всѣхъ имѣвшихся
тамъ турецкихъ складовъ; на сколько они намъ были полезны, и какъ
мы ими пользовались, видно изъ нижеприведеннаго приказа, отъ 28-го
ноября.

«1) По донесенію Свиты Его Величества генераль-маіора Эттера въ
деревнѣ Врачешіи найдены бывшіе турецкіе склады пшеничной муки, всего
болѣе 20 тысячъ пудовъ. Для облегченія продовольствія войскъ вѣреннаго
мяѣ отряда попеченіемъ интендантства, предписываю войскамъ, входящимъ
въ составъ отрядовъ генераль-адъютанта графа Шувалова и генераль-маіора
Рауха, приступить немедленно къ устройству въ Орханію хлѣбопекарныхъ
печей. Печи эти должны быть построены въ возможной скорости, съ тѣмъ
чтобы какъ можно скорѣе войска могли бы начать получать хлѣбъ вмѣсто
интендантскихъ сухарей. Для наблюденія за порядкомъ и ходомъ хлѣбопе-
ченія назначить отъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій по одному
опытному штабъ или оберъ-офицеру и особыя команды отъ каждой части.
Команды хлѣбопекровъ отъ гвардейской Стрѣлковой бригады должны состоять
въ вѣдѣніи офицера отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Гвардейскія
артилерійскія пѣшія бригады тоже должны устроить себѣ въ Орханію
печи и выслать команды хлѣбопекровъ. Гвардейская кавалерія должна продол-
жать получать хлѣбъ изъ Врацы. Войска, входяція въ составъ отряда
генерала Дандевилля, войска Златицкаго отряда, Кавказская казачья бригада
и Екатеринбургскій драгунскій полкъ, должны получать сухари отъ отряд-
наго интендантства изъ Осикова. При этомъ предписываю Свиты Его Вели-
чества генераль-маіору Черевину войти въ соглашеніе съ гражданскимъ
начальствомъ Этрополя съ тѣмъ, что не окажется ли возможнымъ устроить
въ Этрополѣ хлѣбопеченіе при посредствѣ мѣстныхъ жителей для Кавказской
казачьей бригады и Екатеринбургскаго драгунскаго полка и условиться
въ платѣ за доставляемый хлѣбъ. Артилерія, собранная нынѣ въ Осиковѣ,
должна попрежнему получать сухари отъ интендантства. Лейбъ-гвардіи
Саперному баталіону печь хлѣбъ при 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«2) 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи озаботиться пригонкою
скота въ Орханію изъ города Врацы и его окрестностей, въ количествѣ
300 штукъ рогатаго скота за установленную цѣну, для раздачи войскамъ
отрядовъ генераль-адъютанта графа Шувалова и генерала Рауха. Что же
касается до снабженія порціоннымъ скотомъ отрядовъ генерала Дандевилля,
Златицкаго и Кавказской казачьей бригады, то предписываю коменданту
Этрополя войти съ требованіемъ къ мѣстнымъ властямъ о непрерывной
доставкѣ скота за установленную цѣну. Если же этого соглашенія не по-
саѣдуетъ, то предписываю Свиты Его Величества генераль-маіору Черевину
забрать силою скотъ въ городѣ Этрополѣ и окрестностяхъ, деревняхъ и

колыбахъ за половинную, противъ установленной, цѣну, въ количествѣ 300 штукъ, и передать въ вѣдѣніе коменданта Этрополя.

«3) Распоряженія о своевременномъ снабженіи войскъ какъ хлѣбомъ, такъ и порціоннымъ скотомъ возлагаю на начальниковъ отрядовъ. Вслѣдствіе этого всѣ начальники частей войскъ должны относиться съ своими требованіями не въ штабъ вѣреннаго мнѣ отряда, а въ штабы генералъ-адъютанта графа Шувалова, генераловъ Дандевилля, Рауха и Брока. Упомянутые же штабы должны заблаговременно сообщать требованія войскъ о снабженіи порціоннымъ скотомъ комендантамъ Орханіэ и Этрополя, которые должны удовлетворять эти требованія и заблаговременно заготавливать средства къ удовлетворенію этихъ требованій.

«4) Для сбереженія здоровья войскъ, предписываю по возможности располагать ихъ по квартирамъ въ городахъ и деревняхъ. Тѣмъ же частямъ, которыя не могутъ быть расположены по квартирамъ, приступить немедленно къ устройству землянокъ.

«При расположеніи по квартирамъ предписываю принять къ непремѣнному и неупустительному исполненію всѣ правила расположенія войскъ по квартирамъ въ весьма близкомъ отъ непріятеля разстояніи. Въ особенности же принять мѣры противъ мародерства и расхищенія домовъ мирныхъ жителей. Дрова брать изъ окрестныхъ лѣсовъ и рощъ. Если же ихъ по близости нѣтъ, то разрѣшается рубить деревья по шоссе и наконецъ, въ случаѣ крайности, можно рубить деревья въ садахъ. Отвѣтственности за правильнымъ исполненіемъ этого пункта возлагаю на начальниковъ частей и отрядовъ.

«5) Въ Орханіэ и Этрополѣ устроить пріемные покои для больныхъ и раненыхъ: въ Этрополѣ на 200 ч., а въ Орханіэ на 300 человекъ. Для того, чтобы не накоплялось много раненыхъ и больныхъ, по возможности эвакуировать ихъ, пользуясь всѣми отходящими повозками. Для того чтобы интендантъ могъ своевременно доставлять нужное число подводъ, предписываю медицинскому начальству доставлять отрядному интенданту своевременно свѣдѣнія о числѣ больныхъ и раненыхъ, подлежащихъ эвакуаціи. По полученіи этихъ свѣдѣній интенданту присылать по возможности нужное число подводъ.

«Предписываю быть крайне осторожнымъ въ выборѣ домовъ для размѣщенія лазаретовъ и тщательно избѣгать домовъ, гдѣ были заразные болѣзни.

«6) Для удовлетворенія разныхъ мелкихъ потребностей войскъ, при комендантскихъ управленіяхъ въ Этрополѣ и Орханіэ учредить небольшіе транспорты въ 10 вольнонаемныхъ мѣстныхъ подводъ каждый, съ платою по два франка въ день за каждую подводку. Съ удаленіемъ войскъ отъ Этрополя и Орханіэ болѣе двухъ переходовъ, транспорты эти отпускать, а формировать новые изъ окрестныхъ сель. Вообще принять впредь за пра-

вило, чтобы при каждомъ комендантскомъ управленіи формировать подобныя транспорты.

«6) Въ дер. Врачеша устроить особое комендантское управленіе. Комендантомъ въ Врачеша назначается лейбъ-гвардіи жандармскаго эскадрона шт. кап. Каменскій, въ распоряженіе котораго откомандировать отъ комендантскаго управленія въ Орханіэ 10 жандармовъ. Коменданта въ Этрополь назначить отъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, по распоряженію генераль-маіора Дандевиля.

«7) Въ распоряженіе комендантовъ Этрополя, Орханіэ и Врачеша назначить въ караулы необходимое число ротъ, по распоряженію генераловъ Дандевиля и Рауха.

«8) Вновь назначаемые коменданты должны принять отъ временныхъ комендантовъ, назначенныхъ отъ войскъ, по описи всѣ склады, магазинцы и запасы и донести въ штабъ отряда о числѣ принятыхъ запасовъ. Впередъ принять за непрѣмьное правило при занятіи войсками пунктовъ, гдѣ находятся склады какихъ бы то ни было запасовъ, назначать временныхъ комендантовъ отъ первыхъ вступающихъ войскъ; эти временные коменданты должны безъ всякаго замедленія принимать и описывать всѣ склады и магазинцы и затѣмъ передавать ихъ по описи постояннымъ комендантамъ.

«9) Завѣдываніе всего тыла ввѣреннаго мнѣ отряда возлагаю на полковника лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Доманевскаго, въ распоряженіе котораго назначить по одному оберъ-офицеру отъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и отъ 3-й пѣхотной дивизіи. На обязанность завѣдующаго тыломъ возлагаю: исправленіе всѣхъ транспортовъ и полковыхъ обозовъ, отправку раненныхъ и больныхъ, наблюденіе за всѣми лазаретами, устройство въ тылу этапныхъ пунктовъ, которые вскорѣ будутъ замѣнены постоянными этапами съ постоянными комендантами и завѣдываніе всѣми комендантскими управленіями.

«По всѣмъ этимъ вопросамъ полковнику Доманевскому получать приказанія отъ начальника штаба отряда и входить къ нему съ личными докладами. Капитану Иванову, командированному отъ инспектора госпиталей во ввѣренный мнѣ отрядъ, поступить въ распоряженіе полковника Доманевскаго».

Подписалъ: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ *Гурко*.

Что касается насъ, офицеровъ, то мы тоже могли пополнить часть нашихъ запасовъ въ Орханіэ, у маркитанта гвардейскаго корпуса Львова, не смотря на цѣны можно сказать безобразныя; я ограничусь, сказавши лишь, что, напримѣръ, фунтъ бубликовъ стоилъ 2½ франка, т. е. 1 руб. 20 коп. по курсу. Разумѣется, никто не останавливался передъ подобными расходами. Изъ предметовъ снаряженія, большинство имѣвшихъ самовары замѣнили ихъ металличе-

скими чайниками, такъ какъ послѣдніе гораздо удобнѣе: легко притрочить къ сѣдлу, въ нихъ легче приготовить чай и проч. О вкусѣ получаемаго при этомъ чая, конечно, никто не заботился.

28-го ноября, генералъ Раухъ выѣхалъ со штабомъ для осмотра лютиковской позиціи и выбора мѣста для редутовъ. Изъ офицеровъ генеральнаго штаба были: полковникъ баронъ Каульбарсъ и я; что же касается капитана Протопопова, то онъ часто былъ откомандировываемъ въ разные отряды; вскорѣ онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Дандевилля, съ которымъ и совершилъ впоследствии знаменитый переходъ черезъ Бабу-гору.

Двѣ рѣзко выдающіяся высоты прямо указывали мѣсто для расположенія нашихъ опорныхъ пунктовъ. Такъ какъ при этомъ оба укрѣпленія должны были заниматься лишь дежурными баталіонами, а резервы расположены были довольно далеко, по квартирамъ, да притомъ и высоты находились въ довольно значительномъ одна отъ другой разстояніи, то и рѣшено было построить два редута, т. е. тотъ видъ укрѣпленій, относительно преувеличенной репутаціи котораго въ нашемъ штабѣ постоянно высказывались справедливыя замѣчанія. Но въ данномъ случаѣ мы охотно признали ихъ умѣстность. Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было сначала ни одного сапера, то одинъ редутъ долженъ былъ строиться подъ руководствомъ полковника барона Каульбарса, а возведеніемъ другаго завѣдывалъ я. Этотъ случай снова послужилъ мнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости знанія для офицера генеральнаго штаба полевой фортификаціи въ такомъ же совершенствѣ, какъ стратегіи и тактики. Руководствуясь очертаніемъ высоты, я, 29-го ноября, разбилъ редутъ на одинъ баталіонъ и восемь орудій, и преображенцы приступили немедленно къ работѣ; впоследствии молодой саперный офицеръ, назначенный въ распоряженіе генерала Рауха, часто смущался однимъ острымъ угломъ въ моемъ редутѣ... По скату высоты вырыты были ложементы, обстрѣливавшіе всѣ мертвыя пространства, и вскорѣ мы были совершенно готовы встрѣтить наступленіе противника. Во время работъ 29-го ноября, мы вдругъ услышали громкіе, восторженные крики на сосѣднемъ редутѣ барона Каульбарса; шапки летятъ кверху, общее волненіе; вотъ скачетъ къ намъ офицеръ; всѣ съ вопросомъ: «что, что?» — «Плевна пала! Плевна пала! Османъ сдался!» — «Правда ли, вѣрить ли? откуда извѣстіе?» — «Вѣрно, вѣрно — отвѣчаетъ добрый вѣстникъ — генералъ Гурко приказалъ сообщить по войскамъ». — «Братцы, крикнудъ кто-то изъ офицеровъ, Плевна сдалась, урра!»

Восторгъ неописанный. Мы бросились цѣловаться другъ съ дру-

гомъ. Солдаты неистово гремѣли «ура». Турки вылезли на своей позиціи и созерцали наше, непонятное для нихъ, торжество. «Давайте водки; коньяку!» потребовали отъ своихъ деньщиковъ офицеры и пошли тосты... Тяжелая гора свалилась съ плечъ, щемящее сердце отошло; радостная будущность всѣхъ воодушевила и подняла въ войскахъ нравственный духъ. Значить, зимовать въ страшныхъ Балканахъ не будемъ; значить, скоро впередъ и спустимся въ благословенныя долины; кампанія пойдетъ безостановочно, можетъ быть скоро окончится и домой— вотъ рядъ мыслей, возбужденныхъ паденіемъ Плевны.

Послѣдующіе дни мы оставались въ пассивномъ положеніи на своихъ позиціяхъ, въ ожиданіи подхода подкрѣпленій. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что къ намъ должны придти: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Криденера. Время до ихъ прихода было занято подготовкой для перехода черезъ Балканы и рекогносцировками ихъ переходовъ.

2-го декабря прибылъ къ намъ во Врачешъ хорунжій князь Церетелевъ (бывшій секретарь нашего посольства въ Константинополѣ) и объявилъ мнѣ, что генералъ Гурко приказалъ намъ съ нимъ обрѣкогносцировать путь на Умургачскій перевалъ. Князь Церетелевъ, зная Турцію и болгарскій языкъ, занимался въ штабѣ отряда генерала Гурко собираніемъ свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности. Такъ какъ онъ, кромѣ того, участвовалъ въ лѣтнемъ забалканскомъ походѣ, то генералъ Гурко назначалъ его иногда на рекогносцировки вмѣстѣ съ офицерами генеральнаго штаба, чтобы, такъ сказать, путемъ сравненія судить о степени проходимости дорогъ сравнительно съ тѣми, по которымъ двигался прежде генералъ Гурко. Начальникъ отряда предполагалъ первоначально направить главныя силы на Умургачъ, а лѣвый боковой авангардъ—на Чурьякъ, по дорогѣ, изслѣдованной Ставровскимъ. Такое рѣшеніе основывалось, вѣроятно, на томъ справедливомъ соображеніи, что движеніе значительныхъ массъ вблизи турецкой арабъ-конакской позиціи легко могло быть открыто противникомъ. Но, какъ увидитъ читатель, это рѣшеніе было измѣнено: главныя силы были направлены на Чурьякъ, а черезъ Умургачъ прошла лишь небольшая колонна генералъ-лейтенанта Вельяминова.

При нашей рекогносцировкѣ мы должны были пробраться незамѣтно между двумя турецкими позиціями: лютиковской и арабъ-конакской, выйти въ тылъ первой изъ нихъ и на флангъ послѣдней. Чтобы мы не раскрыли себя, генералъ Гурко воспретилъ намъ брать прикрытіе, и мы должны были отправиться одни. Въ качествѣ же проводниковъ

князь Церетелевъ взялъ нѣсколько болгаръ. Вместе съ тѣмъ, чтобы не привлекать на себя вниманіе турокъ и не быть открытыми, издали, мы съ княземъ Церетелевымъ одѣлись въ полушубки безъ погонъ и я замѣнилъ свою военную фуражку сѣрой, суконной, съ наушниками, которой еще ранѣе того снабдилъ меня отрядъ «Краснаго Креста». Волонтерами къ намъ вызвались два ординарца генерала Рауха, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Редигеръ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка прапорщикъ Бибиковъ. Выѣхавши изъ Врачеша, мы проѣхали мимо нашихъ аванпостовъ, позади которыхъ, между прочимъ, я видѣлъ совершенно нагаго солдата, который вытирался и мылся снѣгомъ, раздѣвшись тутъ же въ полѣ. Проѣхавши версты двѣ во врачешскомъ ущельѣ, по дорогѣ относительно сносной, мы затѣмъ повернули вправо и стали подыматься на горы. Тамъ уже съ первыхъ нашихъ шаговъ дорога превратилась въ тропинку, усѣянную торчащими камнями или разбросанными въ изобиліи гальками. Каждый шагъ впередъ былъ труднѣе и труднѣе. Наконецъ мы двинулись по карнизу, выщемуюся по крутому скату горы. Подъемъ былъ чрезвычайно крутъ, а по самому полотну дорожки бѣжалъ ручеекъ, имѣя своимъ началомъ источникъ у самой дороги. Вода совершенно размывала тропу, причемъ вымытые ею изъ почвы камни здѣсь же лежали, скопившись въ огромномъ количествѣ. Лошадь, ступая ногой, погружалась глубоко въ эти камни, не находила твердой опоры и часто падала, а подъемъ все круче и круче.... Добравшись до сѣдловины, мы двинулись по слѣдующей горѣ. Направо, въ тылу, вдругъ открылся передъ нами турецкій лагерь какъ на ладони. Мы могли не вооруженнымъ глазомъ отличать не только палатки, группы людей, но и одиночныхъ лицъ, движеніе ихъ рукъ, ногъ и пр.

По нашему счету выходило у турокъ на видимомъ нами участкѣ позиціи около пяти таборовъ. Превосходнѣйшая, разработанная ими, дорога вилась по горамъ, зигзагами, отходя отъ лѣваго фланга позиціи. Мы, разумѣется, не могли долго предаваться созерцанію турокъ; пять—десять баши-бузукровъ легко могли насъ отхватить и перестрѣлять по выбору, а потому мы двинулись дальше. Снѣгъ не позволялъ намъ различать хорошенько дороги, она часто терялась, и проводники наши сбивались. Въ двухъ мѣстахъ дорога совершенно преграждалась скалистыми, остроконечными шапками, и мы едва, едва пробрались. Не доходя перевала версты полторы — двѣ, дорога входила въ густой лѣсъ.

Сваленныя деревья, росшія поперегъ пути вѣтви тоже мѣшали движенію. Разъ мы наострили уши; послышался шумъ въ лѣсу,

хрустнули вѣтви, затопали копыта и три... оленя пересѣкли намъ путь, скрываясь въ чащѣ лѣсовъ и трупобъ балканскихъ. Далѣе, влѣво, вдругъ открылась арабъ-конакская позиція турокъ, начиная отъ самаго Шавдорника. За грознымъ Арабъ-Конакомъ видѣнь былъ турецкій лагерь и бивачные огни. Наконецъ вотъ и Умургачскій переваль, открытый, обнаженный отъ древесной растительности. Обильный снѣгъ едва въ состояніи былъ прибить и прикрыть густую, высокую прошлогоднюю траву. Съ самаго перевала намъ открылась великоѣбина картина: у подножья нашего разстилась софійская долина, ограниченная съ юга высокими горами, позади которыхъ далеко блистали при солнечномъ свѣтѣ высоты Рило-Дага. Немного вправо высился могучій массивъ Витошъ планины, у подошвы которой скрылась подъ облаками желанная наша Софія. Мы невольно залюбовались величественной и суровой картиной. Солнце ярко свѣтило, но не грѣло на высотѣ въ 5,000 футовъ. Внизу раздавался свистъ людей, бродившихъ въ лѣсу; по шоссе замѣтно было движеніе повозокъ. Мы не могли удалиться впередъ, окончательно рискуя попасться въ руки турокъ, которые теперь окружали насъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Намъ и приказано было изслѣдовать собственно подъемъ, а что касается дальнѣйшаго пути, то узнать только направленіе.

Болгары провели насъ по самому перевалу и указали спускъ, по которому пошла наша тропа. Такъ какъ самый переваль былъ не защищенъ лѣсомъ, то, въ случаѣ мятежей и снѣжныхъ бурановъ, движеніе на этомъ пространствѣ должно было представить особенныя трудности и опасности. Закусивши кое-чѣмъ, мы пустились въ обратный путь и благополучно прибыли къ вечеру въ Орханіэ. Я съ княземъ Церетелевымъ немедленно отправился къ начальнику отряда. Тамъ мы застали весь штабъ въ сборѣ передъ обѣдомъ. «А, сказалъ генераль Гурко, при нашемъ входѣ, дорогіе гости, что скажете?»—«Мало хорошаго, ваше превосходительство», отвѣтилъ я.—«Что такъ?» спросилъ начальникъ отряда и нахмурился. Понятно, что при его твердомъ рѣшеніи вести по обдуманному уже плану операцію перехода, всякое препятствіе въ этомъ смыслѣ должно было дѣйствовать раздражающимъ образомъ и производить непріятное впечатлѣніе.

— «Безъ предварительной разработки пути черезъ Умургачъ не пройдетъ никакой отрядъ съ артилеріей, а главныя силы и совсѣмъ застрянуть на долго», отвѣтилъ я.

— «Что, эта дорога лучше хайнкюйской»? обратился генераль-адъютантъ Гурко къ князю Церетелеву.

— «Гораздо лучше, отвѣтилъ послѣдній къ моему изумленію.

— «А лучше Дельбокской?

— «И сравненія быть не можетъ».

— «Вѣдь не шоссе же мы ищемъ!» иронически замѣтилъ начальникъ отряда, обращаясь ко мнѣ.

Признаюсь, меня крайне взволновало это замѣчаніе, и я отвѣтилъ:

— «Ваше превосходительство, я произвожу уже не первую рекогносцировку и имѣю достаточно вѣрный масштабъ для оцѣнки проходимости пути. Положительно заявляю, что безъ разработки дороги отрядъ черезъ У мурга чь не пройдетъ!»

Генералу Гурко было, что и понятно, крайне неприятно это свѣдѣніе. Ко мнѣ подошелъ начальникъ штаба отряда, Д. С. Нагловскій, и предложилъ вопросъ:

— «Скажите, пожалуйста, А. К., пѣхота тамъ пройдетъ?»

— «Конечно. Я думаю, что пѣхота хоть на Монь-Бланъ взойдетъ».

— «Но вѣдь подъему артилеріи будетъ содѣйствовать пѣхота».

— «Это я, разумѣется, имѣлъ въ виду. Но я также принималъ въ соображеніе, что движеніе надо совершить по возможности быстро. Что говорить! и артилерію поднять можно, хотя всю даже, но потребуетъ мѣсяцъ времени».

— «Это невозможно! отвѣтилъ Д. С. Нагловскій».

Между тѣмъ, генералъ Гурко подозвалъ меня къ себѣ и предложилъ въ подробности разсказать объ осмотрѣнной дорогѣ.

— «Этого я только и прошу у вашего превосходительства, доложилъ я. Мнѣ бы ничего не стоило сказать, что путь проходимъ, но застрянетъ отрядъ— и вы меня же обвините».

— «Правда», отвѣчалъ улыбаясь генералъ Гурко.

Я подробно описалъ пройденный путь и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ во Врачешъ.

4-го декабря, чтобы окончательно увѣриться въ добытыхъ мною свѣдѣніяхъ, начальникъ отряда приказалъ генералу Рауху, командиру лейбъ-гвардіи Салернаго баталіона, полковнику Скалону, и мнѣ поѣхать вмѣстѣ и еще разъ осмотрѣть дорогу. Мы отправились, но уже со второй версты подъема генералъ Раухъ предложилъ вернуться назадъ, такъ какъ неудобопроходимость «дороги» была слишкомъ очевидна.

Тогда-то и рѣшено было окончательно направить главныя силы на Чурья къ, по дорогѣ Ставровскаго, а на У мурга чь послать лишь сравнительно небольшую колонну генерала Вельяминова, предварительнo разработавъ, сколько возможно, путь. Впослѣдствіи колонна эта встрѣтила при подъемѣ величайшія затрудненія, и генералъ Вельяминовъ нѣсколько разъ терялъ всякую надежду добраться до верху, но побуж-

денія генераль-адъютанта Гурко: «идти, идти и идти!» были причиной, что колонна, послѣ неимоверныхъ усилій, добралась до перевала, но внизъ на д. Жпляву, вслѣдствіе страшныхъ снѣжныхъ заносовъ, генераль Вельяминовъ не могъ спуститься, и колонна свернула съ Умургача на Чурьякъ. Генераль-адъютантъ Гурко имѣлъ впоследствии случай показать мнѣ, какъ онъ высоко цѣнилъ результаты моей рекогносцировки и мою настойчивость въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ стали постепенно подходить двигавшіяся изъ подъ Плевны наши подкрѣпленія: 3-я пѣхотная дивизія и 9-й армейскій корпусъ. Съ 8-го декабря преображенцы скрытно, но дѣятельно работали дорогу на Чурьякъ. Наступила минута совершенія гигантскаго шага черезъ Балканы....

VII.

**Переходъ черезъ Балканы. Ташнисенскій бой. Бой у Враждебны.
Занятіе г. Софіи.**

Формированіе отрядовъ.—Диспозиція и приказаніе для перехода черезъ Балканы.—Движеніе въ горахъ.—Подъемъ артилеріи.—Двѣ ночи на перевалѣ.—Спускаютъ внизъ.—Чурьякъ.—Негашевское дѣло.—Атака Кавказской бригадой туредкаго транспорта.—На позиціи у Негашева.—Атака Ташнисенской позиціи.—Преслѣдованіе противника.—Ночное движеніе къ Враждебной.—Бой за мостъ.—На позиціи передъ Софіей.—Торжественная встрѣча въ Софіи.—Турецкое населеніе.

Прибывшія изъ подъ Плевны подкрѣпленія располагались въ городѣ Орханіэ и его окрестностяхъ. Предстоявшій переходъ черезъ Балканы требовалъ сформированія нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ, какъ въ видахъ демонстрацій на занятыхъ нами позиціяхъ, такъ и для движенія черезъ горы съ охватомъ противника.

Кромѣ того, необходимы были разныя административныя мѣропріятія относительно снабженія войскъ боевыми припасами и продовольствіемъ.

Въ этихъ видахъ отданы были слѣдующіе приказы:

ПРИКАЗЪ.

Въ г. *Орханіэ*, 10-го декабря 1877.

«Предписываю сформировать слѣдующіе отряды:

I. 1-й и 4-й баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—4 баталіона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады по 4 орудія—12 орудій, 4 орудія одной изъ 4-хъ-фунтовыхъ батарей 31-й артилерійской бригады—4 орудія, Кавказской казачьей бригады—11 сотень, 4 конныхъ орудія; всего 13 баталіоновъ, 16 орудій, 11 сотень и 4 конныхъ орудія.

«Начальникомъ этого отряда назначается командующій 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей генераль-маіоръ *Раушъ*.

II. Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, 3-я гвардейская и гренадерская артилерійская бригада—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады; всего 8 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 5 эскадроновъ и сотня.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка генераль-маіоръ *Мирковичъ*.

«III. Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона. Австрійскій полкъ—4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковыя баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—8 орудій; всего 10 баталіоновъ, 8 орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ *Философовъ*.

«IV. 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, 31-й артилерійской бригады два дивизиона различныхъ батарей 4-хъ-фунтоваго калибра—8 орудій, 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—16 эскадроновъ, 8 конныхъ орудій; всего 6 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, и 8 конныхъ орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 31-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ *Вельяминовъ*.

«V. 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, одна батарея 31-й артилерійской бригады—8 орудій, Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни Сводной казачьей бригады; всего 9 баталіоновъ, 8 орудій, 4 эскадрона и 2 сотни.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ *Дандевиль*.

«VI. Три полка 3-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, четыре батареи 5-й артилерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій; всего 9 баталіоновъ 32 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ *Шилдбергъ-Шульднеръ*.

Сверхъ этихъ шести вновь сформированныхъ отрядовъ остаются слѣдующіе три, уже сформированные.

«VII. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—4 баталіона, три батареи 2-й артилерійской бригады—24 орудія, всего 12 баталіоновъ и 24 пѣшихъ орудія.

«Подъ начальствомъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генераль-адъютанта графа *Шувалова*.

«VIII. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—4 баталіона, три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—24 орудія, четыре орудія 16-й конной батареи—4 орудія; всего 8 баталіоновъ. 28 орудій.

«Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Свиты Его Величества генераль-маіора Его Высочества Принца *Ольденбургскаго*.

«IX. Лейбъ-гвардія Гренадерскій полкъ — 4 баталіона, Новингерманландскій пѣхотный полкъ — 1¹/₂ баталіона, два орудія Донской казачьей № 19-го батареи—2 орудія, двѣ сотни Сводной донской казачьей бригады—2 сотни; всего 5¹/₂ баталіоновъ, 2 орудія и 2 сотни.

«Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генераль-маіора *Брока*.

2.

«Въ упомянутыхъ въ I, II, III и IV пунктахъ этого приказа дивизионамъ артилеріи взять по одному ящичку на орудіе, лошадей же подъ орудія и ящички выбрать самыхъ лучшихъ изъ всей батареи. Лошади должны быть хорошо подкованы и на заостренныхъ шипахъ.

3.

«Людямъ всѣхъ отрядовъ немедленно выдать сухарей по 18-е декабря включительно, считая по одному фунту на человѣка. Въ требованіяхъ на сухари показывать только тѣхъ людей, которые дѣйствительно состоятъ въ строю. На тѣхъ же людей, которые состоятъ въ полку, но въ строй не выходятъ, представлять особыя требованія и удовлетворять ихъ не сухарями, а печенымъ хлѣбомъ, выпекаемымъ изъ устроенныхъ хлѣбопекарныхъ печей, требуя муки изъ врачейскихъ складовъ.

«Предписываю всѣмъ начальникамъ частей подъ строгую ихъ отвѣтственность отнюдь не допускать излишняго требованія сухарей, помня, что отъ правильности требованій будетъ зависеть успѣхъ всей операціи.

«Войскамъ, обозначеннымъ въ п. VIII, сухарей не требовать, а довольствоваться ихъ печенымъ хлѣбомъ. Организовать хлѣбопеченіе сообразно съ этимъ пунктомъ возлагается на полковника Доманевскаго.

«Войска, обозначенныя въ пунктахъ I, II, III, IV и V, должны быть снабжены водкою по три чарки на человѣка, дѣйствительно находящагося въ строю.

«Удовлетвореніе войскъ, какъ сухарями, такъ и водкою, должно быть непременно окончено къ вечеру 12-го декабря.

«Сверхъ того, выдать людямъ, дѣйствительно находящимся въ строю, чаю и сахару по 18-е декабря включительно.

4.

«Всѣ батареи, какъ пѣшія, такъ и конныя, не вошедшія въ составъ упомянутыхъ въ настоящемъ приказѣ отрядовъ, должны быть собраны у дер. Ложени и парки батарей должны быть выстроены въ нѣсколько линій въ строгомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, чтобы по первому требованію всякая батарея, въ какой бы линіи она ни стояла, могла бы выхаживать безъ всякой помѣхи какъ для себя, такъ и для другихъ батарей. Люди этихъ батарей должны быть размѣщены въ деревнѣ Ложени, которая

въ скоромъ времени будетъ очищена кавалерією. Начальникомъ всей этой артилеріи назначить старшаго изъ батарейныхъ командировъ, по распоряженію начальника артилеріи отряда Свиты Его Величества генераль-маіора Бреверна.

«Установку батарей въ полномъ порядкѣ и размѣщеніе людей въ деревнѣ возлагаю на начальника артилеріи отряда. Эта разстановка должна быть окончена въ теченіе 12-го декабря, для чего къ 8-ми часамъ утра всѣмъ батареймъ выслать линейныхъ фейерверкеровъ на шоссе къ деревнѣ Ложени.

5.

«Всѣ парки, какъ артилерійскіе, такъ и интендантскіе, должны быть немедленно выстроены у деревни Правецъ въ самомъ строгомъ порядкѣ. Всѣ повозки должны быть выстроены въ нѣсколько правильныхъ линій съ достаточными интервалами, съ тѣмъ чтобы, по первому приказанію, можно было бы тронуть ихъ въ ту или другую сторону, и чтобы движеніе это могло бы быть произведено въ самомъ строгомъ порядкѣ. Тоже относится и до обозовъ, находящихся въ деревнѣ Правецъ. Установка всѣхъ повозокъ около дер. Правецъ и поддержаніе порядка возлагается на полковника Шевича. Всѣ начальники парковъ, транспортовъ и обозовъ должны немедленно явиться къ полковнику Шевичу, представить ему строевые рапорты, и во все время пребыванія въ Правцахъ исполнять его приказанія. Приказы о движеніи тяжестей изъ Правецъ частные начальники должны передавать черезъ полковника Шевича. Предписываю полковнику Шевичу представить вечеромъ 12-го декабря рапортъ о числѣ людей, повозокъ и лошадей, находящихся у дер. Правецъ».

Подписалъ: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ *Гурко*.

ПРИКАЗЪ.

Г. *Орханіэ*, 11-го декабря 1877 г.

«На дняхъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предстоитъ движеніе черезъ Балканскія горы. При этомъ движеніи принять къ руководству и исполненію слѣдующее:

«1) Взятый на людяхъ запасъ сухарей расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны на вечернихъ перекличкахъ лично дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ. За преждевременное израсходованіе сухарной дачи начальники будутъ подвергаемы строгому взысканію. Передъ выступленіемъ объяснить людямъ всю важность сбереженія сухарей, и что по причинѣ горъ неизвѣстно, когда подойдутъ транспорты съ сухарями.

«2) Передъ выступленіемъ раздать людямъ трехдневную порцію мяса.

«3) Кавалеріи и артилеріи имѣть трехдневную дачу ячменя.

«4) По утрамъ выдавать людямъ по чаркѣ водки.

«5) Начальникамъ эшелоновъ предоставляется самимъ установить порядокъ движенія въ эшелонахъ, съ соблюденіемъ однако же слѣдующихъ условій: а) орудія и зарядные ящики прикомандировывать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному ящику. При этомъ ротные командиры отвѣчаютъ за безостановочность движеній прикомандированныхъ къ нимъ орудій и ящиковъ; б) кавалеріи, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ эшелоновъ; в) имѣющіеся при частяхъ вьюки вести вслѣдъ за своими частями, т. е. ротные вьюки за ротами, баталіонные за баталіонами и т. д.

«6) Никакихъ повозокъ не брать, за исключеніемъ аптечныхъ одноколыхъ.

«7) Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки.

«8) Мѣры охраненія во время движенія должны состоять исключительно изъ пѣхотныхъ боковыхъ патрулей, во время ночлега изъ пѣшихъ секретовъ.

«9) Начальникамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, подтвердить вѣрнымъ имъ частямъ строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и въ особенности производить стрѣльбу вслѣдствіе тревоги: нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ ущельямъ и тущобамъ, по какимъ намъ придется перевалить за Балканы, немисливо серьезное нападеніе со стороны непріятели, и только одиночные люди или небольшія партіи могутъ покушаться тревожить.

«Начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія, и въ особенности наблюсти, чтобы колонны не растягивались, и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта».

Подписалъ: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ *Гурко*.

Для движенія черезъ горы была отдана по отряду нижеслѣдующая диспозиція :

ДИСПОЗИЦІЯ.

Въ г. Орханіэ, 11-го декабря 1877 г.

«13-го сего декабря, войскамъ вѣреннаго мѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

1) *Авангарду*, подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха, собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря въ 5^{1/2} часовъ утра изъ Врачеши и, слѣлавши приваль до 11 часовъ дня, возлѣ бивака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссе, у начала вновь разработанной старой софійской дороги, ведущей на переваль, ровно въ 11 часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать

лишь съ небольшими остановками въ дер. Чурьякъ, гдѣ и остановиться на привалѣ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій—4 баталіона, 1-й и 4-й стрѣльковые баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, одинъ полкъ 3-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады по 4 орудія отъ каждой—12 орудій, четыре орудія одной изъ 4-хъ-фунтовой батареи 3-й артиллерійской бригады—4 орудія, Кавказская казачья бригада—11 сотень 4 конныхъ орудія. Всего 13 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 11 сотень, 4 конныхъ орудія.

«14-го декабря, авангарду выступить въ 4 часа утра (полудни) и слѣдовать черезъ Потопъ, Елесницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елесница заняты турецкою пѣхотою. Сила всей пѣхотной части, собранной въ двухъ этихъ пунктахъ, отъ 1 до 2 таборозъ (т. е. отъ 500 до 800 человекъ). По свѣдѣніямъ турки стоятъ по ночамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ врасплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

«Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходить влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ бокового заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыхъ орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

«2) *Первому эшелону*, подъ начальствомъ генераль-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ 5½ часовъ утра, во Врачеша, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивакѣ, выступить изъ Врачеша въ 7-мь часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по софійскому шоссе къ мѣсту бивака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать привалъ и начать дальнѣйшее движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда.

Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, четыре дивизіона отъ четырехъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады. Всего 8 баталіоновъ, 16 орудій, 5 эскадроновъ и сотень.

«14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Рожданіе. Если же по донесеніямъ прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданіе по ущелью отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потопа, окажется возможною для движенія артилеріи, то идти прямо на Рожданіе, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

«3) *Второму эшелону*, подъ начальствомъ генераль-маіора Филоsoфова, собравшись 13-го декабря, къ 8 часамъ утра, во Врачеша, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнія, что хвостъ авангарда

свернуть съ софійскаго шоссе Прїядя на бивакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе направо. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалѣ.

Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона, Австрійскій полкъ 4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковыя баталіона гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, два дивизиона отъ двухъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—8 орудій. Всего 10 баталіоновъ и 8 орудій.

«14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленія хвоста 1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Стольникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

«4) Общее командованіе надъ первымъ и вторымъ эшелонами возлагается на начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Каталея.

«5) Правой колоннѣ, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5 часамъ утра, во Врачеша, выступить: пѣхотѣ со всей артилеріею въ 5½ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера) и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Жиляву.

1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій, 1-я и 2-я бригады кавалерійской дивизіи—16 эскадроновъ. Всего 6 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, 8 конныхъ орудій.

Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны — составить заслонъ для главной колонны, со стороны Софійи и Кремповицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ 4 баталіона, 4 орудія и 1 эскадронъ кавалеріи, выслать въ Чайнику и Яну по одному баталіону при 2-хъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артилерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софійей, софійско-филипопольскомъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковцы и Сельева (Сеславны) если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у дер. Елесницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлать часть пѣхоты съ артилеріею и кавалеріею для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елесницу.

«6) По выходѣ въ софійскую долину, Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Лени-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе въ Ихтиманъ, на софійско-филипопольскомъ шоссе. На Кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположиться на ночлегъ въ деревнѣ Коджа.

«7) Отдѣльной этропольской колоннѣ, подъ начальствомъ генераль-

маіора Дандевилля. выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Баба.

2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, Воронежскій пѣхотный полкъ 3 баталіона, одна батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій.

«Взойдя на переваль, состоящій при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильныя разѣзды въ Дольніе-Комарцы и по дорогѣ въ Златицу и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцовъ въ Петричево.

Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, два сотни Сводной донской казачьей бригады, четыре конныхъ орудія донской казачьей № 19-го батареи, два орудія конной № 16-го батареи. Всего 9 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 6 эскадроновъ и сотни и 6 конныхъ орудій.

«Пѣхотѣ же съ пѣшей и конной артиллерією дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника. Главное назначеніе колонны демонстраціями противъ праваго фланга турокъ привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергичнымъ преслѣдованіемъ по возможности разстроитъ отступающія войска.

«8) Отрядамъ генераль-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества Принца Ольденбургскаго и Свиты Его Величества генераль-маіора Брока оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ, и зорко слѣдить за непріятелемъ, причемъ, въ случаѣ отступленія непріятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить непріятеля по шатамъ.

«9) Отряду генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачеша и Скривена и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію и составлять заслонъ противъ этой позиціи.

Три полка 5-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, 4 батареи 5-й артиллерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій. Всего 9 баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій.

«10) Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества Принца Ольденбургскаго, генераль-адъютанта графа Шувалова и генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса, генераль-лейтенанта барона Криденера. Въ случаѣ, еслибы движеніе нашихъ войскъ побудило бы турокъ очистить лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія очищенной лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею, остальные два полка со всею кавалерією и артиллерією двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генераль-адъютанта графа Шувалова.

«11) Санитарныя средства отряда распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

«а) Всему наличному персоналу дивизионнаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостъ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елесницу; б) половинѣ персонала дивизионнаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостъ правой колонны генерала Вельямина; в) другой половинѣ дивизионнаго лазарета 2-й гвардейской пѣхот-

ной дивизіи оставаться при отрядѣ генераль-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ перваго и втораго эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елесницу; д) легучимъ отрядамъ Краснаго Креста слѣдовать въ хвостѣ колоннъ генераловъ Вельяминова и Дандевилля. По выходѣ въ долину Софіи устроить переязычные пункты въ Жилавѣ и Елесницѣ.

«12) Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ же въ долину Софіи въ деревнѣ Стольниевѣ».

Подписаль: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ *Гурко*.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, планъ перехода заключался въ слѣдующемъ:

Отряды Принца Ольденбургскаго и часть отряда графа Шувалова, оставаясь на позиціи Шандорникъ-Арабъ-Ковакъ, во все время движенія должны были производить демонстраціи съ фронта, крѣпко зацѣпить турокъ, а въ случаѣ ихъ отступленія—преслѣдовать по пятамъ. Колонна генерала Дандевилля должна была слѣдовать по влатицкому пути, потомъ перевалить черезъ Бабу-гору и дѣйствовать по направленію на Буково, въ тылъ турецкой позиціи. Генераль Вельяминовъ имѣлъ назначеніемъ, перевалить черезъ Умургачъ и выйдя на Жилаву, составить заслонъ противъ противника, занимавшаго Софію. Главныя силы имѣли путемъ движенія дорогу, разработанную преображенцами, и должны были, выйдя въ Чурьякское ущелье, занять софійское шоссе и дѣйствовать въ тылъ турецкой позиціи. Главныя силы состояли собственно изъ авангарда и двухъ эшелоновъ.

Замѣчу, что, по случаю болѣзни генераль-лейтенанта Шильдербъ-Шульднера, начальство надъ его отрядомъ принялъ генераль Похитоновъ, начальникъ артилеріи 9-го корпуса.

Я былъ назначенъ начальникомъ штаба авангарда. На основаніи полученной диспозиціи, было написано нижеслѣдующее приказаніе по авангарду, утвержденное генераль-майоромъ Раухомъ:

*«Приказаніе по авангарду на 13-е и 14-е декабря 1877 г.
д. Врачешъ, 12-го декабря 1877 г.*

«Во исполненіе диспозиціи по отряду, войскамъ, входящимъ въ составъ авангарда, вытянуться, къ 5½ часамъ утра, завтра, 13-го декабря, по софійскому шоссе, имѣя голову колонны у турецкаго артилерійскаго склада, и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ сотни Кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ 4-мя орудіями 3-й артиллерійской бригады и 4-мя конными орудіями кавказской артилеріи. При этомъ Козловскому пѣхотному полку выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, одну стрѣлковую роту, а остальные 14 ротъ употребить для содѣйствія

движенію артилеріи, для чего назначить ко *всѣмъ восьми заряднымъ ящикамъ и четыремъ тышамъ орудіймъ по одной ротѣ, а къ четыремъ коннымъ орудіймъ по полуротѣ*. Роты выдѣляютъ отъ себя команды по 40 человекъ для непосредственнаго содѣйствія артилеріи, причемъ 20 человекъ въ каждой командѣ назначаются для работъ и 20 несутъ оружіе своихъ товарищей. Команды смѣняются по усмотрѣнію ротныхъ командировъ, на которыхъ возлагается полная и строжайшая отвѣтственность за правильность и безостановочность движенія артилеріи. За Козловскимъ полкомъ двигаются лейбъ-гвардіи 1-й и 4-й Стрѣлковыя баталіоны съ лейбъ-гвардіи 1-й батареи, затѣмъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ съ лейбъ-гвардіи 3-й и 6-й батареями. На каждое орудіе и зарядный ящикъ въ стрѣлковыхъ баталіонахъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку назначить по одной ротѣ. Организациія командъ для работъ при орудіяхъ,—какъ выше уже помянуто.

«По приходѣ на драгунскій бивакъ сдѣлать привалъ до 11-ти часовъ утра, причемъ людямъ произвести варку и раздать по чаркѣ водки на человека. Дальнѣйшее движеніе продолжать въ вышеуказанномъ порядкѣ.

«Во все время движенія ротные и баталіонные командиры должны попеременно слѣдить, чтобы вѣренныя имъ части ни подъ какимъ видомъ не растягивались. Въ видахъ самаго точнаго и строжайшаго исполненія настоящаго требованія, предписываю въ хвостъ каждой роты оставить фельдфебелей, которые со всей энергіей должны подгонять отстающихъ и слѣдить, чтобы роты двигались, такъ сказать, ящиками. Спустившись черезъ переваль, слѣдуетъ принять мѣры для скрытности движенія: всякій шумъ и разговоръ должны быть прекращены, а по приходѣ на бивакъ въ д. Чурьякъ *огни ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяется разводить*; людямъ отъ биваковъ не удаляться, а передъ д. Чурьякъ строжайше воспрещать выходить кому бы то ни было. Мѣры охраненія бивака будутъ указаны на мѣстѣ.

«Вьюки имѣть за своими частями: ротные за ротами, баталіонные за баталіонами и т. д.

«14-го декабря продолжать движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Въ 4 часа утра выступить двумъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады, за ними Козловскому пѣхотному полку съ 4-мя орудіями 3-й артилерійской бригады; къ орудіямъ назначить надлежащее число рабочихъ отъ Козловскаго полка. Изъ числа этихъ частей: одной сотнѣ, 4-мъ орудіямъ и полку между д. Чурьякъ и Итопъ свернуть влѣво, по указанію штабсъ-капитана Милорадовича. Другой сотнѣ приостановиться, оставаясь по возможности незамѣченной для противника, и выжидать приближенія переловаго отряда, въ головѣ котораго двигаться. Велѣдъ за вышеупомянутыми частями двинуться *передовому отряду*, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля, въ слѣдующемъ порядкѣ: лейбъ-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ, лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый

Императорской фамилии баталіонъ, четыре конныхъ орудія Кавказской артилеріи, 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. *За передовымъ отрядомъ* слѣдовать *главнымъ силамъ*, а именно: двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одному баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 3-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 6-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, девяти сотнямъ Кавказской казачьей бригады.

«Если не послѣдуетъ особаго приказанія, то въ передовомъ отрядѣ назначить для пособія движеніямъ артилеріи достаточное число рабочихъ, а въ главныхъ силахъ выдѣлить къ каждому орудію и зарядному ящику по одной ротѣ.

«О прочихъ подробностяхъ движенія будетъ сказано на мѣстѣ.

«Я буду находиться въ головѣ колонны главныхъ силъ, куда и присылать всѣ донесенія».

Подписалъ: Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ *Раухъ*.

Кромѣ того, 12-го декабря былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ по отряду.

Приказъ.

«Городъ Орханіэ. 12-го декабря 1877 года.

1.

«При движеніи войскъ по вновь разработанной дорогѣ необходимо наблюдать строгій порядокъ и заботиться, чтобы ее не портить. Вслѣдствіе этого предписывается флигель-адъютанту полковнику Скалону на всѣхъ мѣстахъ дороги, болѣе всего подверженныхъ возможности испортить ее, поставить офицеровъ и команды саперовъ, для наблюденія за состояніемъ дороги.

«Въ случаѣ порчи ея, офицерамъ этия останавливать движеніе войскъ и исправлять дорогу своевременно. Вообще полковнику Скалону принять всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ нужными, для поддержанія дороги въ исправномъ видѣ. Всѣ начальники обязаны, во время слѣдованія, безпрекословно исполнять требованія саперныхъ офицеровъ.

2.

«При всѣхъ предстоящихъ столкновеніяхъ съ непріателемъ вѣреннаго мнѣ отряда предписываю дѣйствовать густыми стрѣлковыми цѣпями, поддержанными нѣсколькими линіями ротныхъ колоннъ. Вообще избѣгать дѣйствія густыми глубокими колоннами, а стараться принимать тонкій строй. На подготовку атакъ огнемъ обратить серьезное вниманіе. Турки не любятъ

обходовъ, а потому при всякой возможности пользоваться обходами и охватами фланговъ. На примѣненіе къ мѣстности обратить самое строгое вниманіе. Патроны беречь, помня, что зарядныхъ ящиковъ съ нами не будетъ. Въ туманы быть крайне бдительнымъ, чтобы не перестрѣлять другъ друга, а потому, прежде открытія огня, убѣждаться на своя ли часть, въ которую хотимъ стрѣлять.

«Для этого имѣть впереди и по бокамъ дозоры, которые должны убѣждаться, кто появляется вблизи части, которую они охраняютъ, свои или турки, и давать объ этомъ знать начальнику части. Самымъ насторожайшимъ образомъ преслѣдовать самовольное сткрытіе огня въ частяхъ. Огонь долженъ быть вполнѣ въ рукахъ начальниковъ».

Подписаль: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Въ виду важности предстоящаго намъ движенія въ стратегическомъ отношеніи, а также трудностей перехода черезъ Балканы, генералъ Раухъ отдалъ слѣдующей *приказъ* по отряду:

«Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ спуститься со снѣжныхъ высотъ балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ.

«Намъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся на недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ.

«Пойдемъ-же смѣло и бодро вперед!»

«Еще одно усиліе и, съ Божіею помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель, останется за нами.

«Я увѣренъ, что ни стужа, ни мятель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ.

«И такъ, на радость Царя, Россіи и за Христову вѣру бодро вперед!»

Авангардъ, какъ сказано, долженъ былъ выступить 13-го декабря въ 5½ часовъ утра, сдѣлать привалъ у поворота дороги отъ шоссе до 11 часовъ и, затѣмъ, начать подъемъ на перевалъ. По диспозиціи предполагалось, что къ вечеру авангардъ сосредоточится на перевалѣ; затѣмъ, на слѣдующій день, въ 4 часа утра, двинется далѣе и врасплохъ атакуетъ небольшіе турецкіе отряды, находившіеся въ деревняхъ Чурьякъ и Потопѣ. Какъ увидимъ далѣе, расчеты эти далеко не оправдались; авангардъ собрался на перевалъ только 15-го числа, а вся операція перехода потребовала около восьми сутокъ. Дорога, по которой намъ приходилось двигаться, какъ упомянуто выше, была разработана лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, подъ руководствомъ и при участіи гвардейскихъ салеровъ. Люди сдѣлали все что возможно: путь былъ уширенъ и выровненъ; слишкомъ крутые подъемы обдѣланы ступеньками, чтобы нога не скользила; на извѣстныхъ пунктахъ раз-

Посреди мятели, въ 3 часа утра, 15-го декабря, мы начали спускаться съ тѣмъ, что было подъ рукою; надо было торопиться, такъ какъ донесенія говорили, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и въ Потопѣ. Впередъ выдвинута была Кавказская казачья бригада, а за нею Козловскій полкъ съ Донской № 8-го батареей. Спускать орудія пришлось тоже на лямкахъ, безъ лошадей.

Спускъ едва ли не тяжелѣе былъ подъема, вслѣдствіе чуть не отвѣсной крутизны скатовъ. Орудія подвязывались канатами къ придорожнымъ пнямъ, кустамъ, камнямъ и спускались, постепенно вытравливая веревки, подобно якорямъ. Между тѣмъ, генераль-адъютантъ Гурко присылалъ гонца за гонцомъ, торопя авангардъ. Турки занимали позицію, обстрѣливавшую Чурьякское ущелье, и могли, наконецъ, разгадать все то, что происходило передъ ихъ носомъ. Мы сами это хорошо понимали и не теряли ни одной минуты. Когда спустился внизъ Козловскій полкъ и донская батарея, генераль Раухъ со штабомъ поскакалъ въ Чурьякъ. Въ этой деревнѣ ночевалъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Разработавшіе дорогу преобразенцы на разсвѣтѣ спустились въ Чурьякъ и расположились тамъ совершенно скрытно. Въ Чурьякѣ мы подѣхали прямо къ квартирѣ генерала Гурко, который въ это время отсутствовалъ: вмѣстѣ со Ставровскимъ онъ производилъ рекогносцировку подъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа генераль вернулся и пригласилъ къ себѣ генераль-майора Рауха и меня. Начальникъ отряда объяснилъ намъ планъ нашихъ дѣйствій.

Мы должны были двинуться впередъ съ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ; за нами приказано слѣдовать: Кавказской казачьей бригадѣ съ батареей и Козловскому пѣхотному полку. Преобразенцы должны были сбить турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣднее изгибается колѣномъ и дѣлаетъ поворотъ направо. По сбитіи турокъ, козловцы должны были повернуть направо по ущелью и занять деревни Елесницу и Потопъ, а казаки — выскочить на шоссе. Преобразенцы, отдохнувшіе нѣсколько послѣ разработки дороги, бодро двинулись впередъ. Я былъ совершенно изнеможенъ; безсонныя ночи, проведенныя на перевалѣ, страшная усталость, зубная и ревматическія боли лишали меня всякой возможности дѣятельно приняться за работу.

И потому, оставаясь при генералѣ Раухѣ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ Ставровскаго, который отлично изучилъ тамъ мѣстность и пробирался уже ранѣе между черкесами, провести отрядъ, что онъ и взялъ на себя охотно.

Турецкій пикетъ внимательно слѣдилъ, когда преображенцы, свернувъ изъ ущелья налѣво, вереницей стали подыматься на гору по направленію къ деревнѣ Негашеву.

Отъ постоянного пребыванія на открытомъ воздухѣ, въ холодное время года, почти всѣ люди страдали катаромъ дыхательныхъ путей, потому во время подъема общій кашель въ полку былъ неумолкаемъ: можно сказать, что цѣлый полкъ непрерывно кашлялъ.

Турецкій пикетъ постепенно усиливался; видно было, какъ люди поскакали по всѣмъ направленіямъ, и скоро вся высота покрылась кавалеріей; но преображенцы быстро построились въ боевой порядокъ и смѣло, безъ выстрѣла, двинулись на турецкую цѣпь, открывшую безпорядочную трескотню съ значительнаго разстоянія. Противникъ скоро началъ отступать и ушелъ къ шоссе подъ мѣткимъ огнемъ нашей пѣхоты. Преображенцы потеряли всего двухъ человекъ ранеными. Какъ только турки были сбиты, генераль Раухъ послалъ приказаніе козловцамъ двинуться на Потопъ, а казакамъ—на шоссе; кстати и жертва тамъ для нихъ уже была приготовлена: тянулся значительный обозъ со слабымъ прикрытіемъ.

Съ занятой нами позиціи всѣ движенія и дѣйствія славныхъ казачковъ видны были какъ на ладони.

Генераль Черевинъ двинулъ свои сотни справа по одному, рысью, по горной тропѣ, пролегавшей въ тылу нашей позиціи, и вышелъ противъ лѣваго фланга. Здѣсь казаки собрались у своихъ огромныхъ знаменъ (въ каждой сотнѣ) и выстроились развернутымъ фронтомъ. Командующій Кубанскимъ полкомъ Клуге-фонъ-Клугенау, объѣзжая ихъ ряды, громко говорилъ: «шашками ихъ руби, шашками!» Наконецъ четыре сотни двинулись, постепенно усиливая аюрь; глубокой снѣгъ покрывалъ равнину, и лошади увязали по колѣно; строй постепенно терялъ правильность, шеренги перемѣшивались, и казаки длинной общей лавой поскакали на обозъ... Тамъ суматоха и страхъ. Прикрытіе, не долго думая—на утекъ, подводы пріостановились, болгары съ радостнымъ любопытствомъ смотрѣли на приближавшихся «братушекъ». Послѣдніе пронеслись по обозу, порубили отставшихъ изъ прикрытія, повернули обозъ къ позиціи и торжественно двинулись впереди его: въ послѣднемъ и заключалась маленькая ошибка.

По шоссе, со стороны Софіи, показались вдругъ нѣсколько эскадроновъ черкесовъ. Выстроившись въ боевой порядокъ, т. е. въ одну линію, они понеслись на обозъ... Вотъ, вотъ они его настигаютъ, хвостъ обоза уже въ ихъ рукахъ, они скачутъ далѣе, но аюрь постепенно уменьшается, — смѣлости не достало скреститься шашками, и, отхвативши

половину обоза, они поворачиваютъ его и уходятъ назадъ; болгарамъ достается не одна затрещина... Все это произошло чрезвычайно быстро. Наконецъ казаки замѣтили нападеніе черкесовъ... Немедленно всѣ бывшія при обозѣ сотни поворачиваются кругомъ, устраиваются, поддѣрпываются еще двумя сотнями и несутся снова на черкесовъ; послѣдніе не принимаютъ удара, бросаютъ обозъ и ускакиваютъ за деревню Ташкисенъ. Обозъ окончательно дѣлается добычей казаковъ. Мы посылаемъ къ нимъ за галетами, и день счастливо заканчивается. Теперь уже людямъ разрѣшается важечь костры, и притомъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше—пускай противникъ знаетъ, что мы твердой ногой стоимъ на софійскомъ шоссе. Въ тотъ же день были заняты Козловскимъ полкомъ, безъ выстрѣла, Потопъ и Елесница; турки ушли при нашемъ приближеніи, не оказывая сопротивленія.

На другой день, на занятой позиціи мы расположились фронтомъ къ Ташкисену, имѣя въ боевой линіи дежурныя части, а всѣ прочія постепенно подходившія войска сосредоточились на квартирахъ въ д. Негашевѣ. Жители встрѣчали насъ съ восторгомъ, цѣловали руки солдатамъ и сапоги, которые помогали снимать, предлагали свои скудные запасы въ наше распоряженіе. Положеніе наше на негашевской позиціи не было особенно безопаснымъ: войска спускались съ горъ весьма медленно, задерживаемыя артилерією. Колонна генерала Вельямина, какъ при подъемѣ, такъ и особенно при спускѣ, встрѣтила такія затрудненія, что не могла, за исключеніемъ, кажется, одного полка, выдти на Жиливу, а повернула къ Чурьяку. Колонна генерала Дандевилля, при подъемѣ на открытую Бабугору, попала въ глубочайшіе снѣга; пришлось прочищать дорогу; при дальнѣйшемъ движеніи отрядъ былъ захваченъ страшными мятелями и холодомъ, понесъ значительныя жертвы, а орудія занесены были совершенно снѣгомъ, такъ что ихъ пришлось впоследствии откапывать при помощи болгаръ. Такимъ образомъ мы должны были сначала дѣйствовать оборонительно, въ ожиданіи сосредоточенія авангарда и главныхъ силъ.

16-го декабря приказано было оставить при авангардѣ лишь незначительную часть казаковъ, а остальныхъ отправить къ Стольнику, для обезпеченія нашего праваго фланга и для дѣйствій на шоссе. Въ тотъ же день вечеромъ отъ командира Кавказской казачьей бригады было получено генераломъ Раухомъ слѣдующее донесеніе:

«Согласно полученнаго мною приказанія, собравъ ночью высланные развѣзды, я двинулся съ бивака въ составѣ оставшихся 7½ сотенъ: при выходѣ въ долину непріятель открылъ орудійный огонь; дабы не подвергать бесполезной потерѣ часть, я приказалъ держаться ближе къ позиціи нашей

пѣхоты и такимъ образомъ вышелъ на шоссе и повернулъ лѣвымъ плечомъ впередъ. На высотахъ Горной Малины, лѣвый боковой авангардъ мой, высмотрѣвъ пѣшую цѣпь непріятельскую, бросился незамѣтно на нее, причемъ убить былъ турецкій офицеръ, другой взять въ плѣнъ, изрублено около пяти человекъ и столько-же взято живыми. При слѣдованіи далѣе по шоссе, въ верстѣ отъ Горной Малины, непріятель показался съ лѣвой стороны и двигался по разнымъ направленіямъ.

«Одна часть, двигавшаяся на встрѣчу къ намъ по шоссе, быстро свернула вправо по направленію къ Ихтиману. Въ то же время услышаны были выстрѣлы впереди; оказалось впоследствии, что тамъ произошла встрѣча съ нашей пѣхотою, двигавшеюся по шоссе, транспорта. Освѣтивъ мѣстность влѣво отъ шоссе на далекое разстояніе, имѣя перестрѣлку съ коннымъ непріателемъ, бродившимъ по разнымъ селеніямъ въ этой мѣстности, я получивъ свѣдѣніе отъ казаковъ, прикомандированныхъ къ Козловскому полку, что транспортъ продолжаетъ двигаться къ Софіи, рѣшено было атаковать его. Выстроивъ пять сотенъ (одну на шоссе и по двѣ вправо и влѣво отъ него), казаки бросались впередъ. Сотня, двинутая по шоссе, немедленно завязала перестрѣлку съ хвостомъ колонны непріятельской; непріятель остановился и открылъ оживленную перестрѣлку, засѣвъ въ канавахъ шоссе; при этомъ оказалось, что это была пѣхота.

«Движеніемъ боковыхъ сотенъ, слѣдовавшихъ на рысяхъ, непріятельская колонна вынуждена была вновь отступить, но, пройдя версты три, боковыя четыре сотни врѣзались въ транспортъ и начали рубить пѣхоту. Обозъ весь забранъ, тѣлъ непріятельскихъ осталось на мѣстѣ болѣе 50. Вся пѣхота прекрасно одѣта. Турецкая кавалерія, слѣдовавшая при обозѣ, свернула влѣво, такъ что я вынужденъ былъ послѣднія двѣ сотни выслать противъ нее. Бросившіеся на турокъ осетины живо прогнали ихъ, причемъ положили на мѣстѣ около четырнадцати тѣлъ, въ томъ числѣ два офицера. Мы могли дойти только до высоты Бугарова; имѣя въ виду обратное слѣдованіе къ Стольнику съ обозомъ около 300 подводъ и 600 головъ (300 воловъ и 300 барановъ), я приказалъ слѣдовать обратно. На высотѣ, не доходя Стольника версты двѣ, непріятель вновь сталъ наступать противъ моего праваго фланга. Волы, утомленные, отказались везти; тогда рѣшено было выпречь ихъ и гнать въ Елесницу, куда пригнано и около 100 подводъ. Непріятель, видя, что мы не двигаемся съ шоссе, а, напротивъ, развертываемъ боевой порядокъ, медленно началъ отходить. Съ наступленіемъ темноты, я, оставивъ три сотни въ Стольникѣ (въ томъ числѣ одну на шоссе), пришелъ съ обозомъ и скотомъ въ Елесницу. Потеря наша не приведена въ извѣстность, но не болѣе двухъ казаковъ. Лошади и люди до крайности утомлены. Не откажите прислать еще кавалеріи и прикажите собраться всей бригадѣ; много пѣшихъ казаковъ. Обозъ заключаетъ въ себѣ галсты, ячмень, овесъ, муку, теплую одежду и обувь.

«Безчисленное количество повозокъ брошено на всемъ пути до Софіи;

тѣла непріятельскія не убраны, словомъ сказать, непріятель въ паникѣ. Сожалѣю, что наступившая темнота и утомленіе людей и лошадей не дозволили мнѣ далѣе преслѣдовать непріятеля. Мы были отъ Софіи въ разстояніи 15-ти верстъ, сдѣлавъ сегодня около 45-ти верстъ на рыси и карьерѣ. Что прикажете дѣлать со скотомъ и обозомъ? Часть скота я разрѣшилъ дать армейскимъ ротамъ, стоящимъ въ Елесницѣ».

16-го декабря 1877 года. Елесница. 10 ч. вечера.

Подписалъ: генераль Черевинъ.

«Р. С. Пѣхоты было около 1½ таборовъ, кавалеріи эскадрона четыре, безъ артилеріи».

Транспортъ приказано было не бросать, а употребить все стараніе, чтобы собрать его и отдать пѣхотѣ въ Елесницѣ.

17-го декабря начальникъ штаба, генераль-маіоръ Нагловскій, писалъ генералу Рауху:

«Начальникъ отряда приказалъ:

«1) Передать 8-ю донскую казачью батарею 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«2) Приказать генералу Черевину наблюдать за мѣстностью между Елесницей, Кремиковицы и шоссе и дальше къ западу.

«Если возможно, то занять Кремиковицы и вообще нашумѣть въ тылу турокъ, занимающихъ лютиковскую позицію.

«2-я гвардейская кавалерійская дивизія прибыла и сегодня выходитъ на шоссе. Она будетъ дѣйствовать къ югу отъ шоссе и противъ главной турецкой позиціи».

Въ тотъ же день были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія и было получено отъ генерала Черевина донесеніе, что приказаніе имъ исполнено.

Между тѣмъ, на занятой нами позиціи мы укрѣпились, т. е. выстроили ложементы для стрѣлковыхъ цѣней и ихъ резервовъ. Холодъ все время былъ весьма сильный (я, напримѣръ, отморозилъ себѣ носъ), и потому, хотя мы и стояли въ виду противника на орудійномъ выстрѣлѣ, но на позиціи были только дежурныя части (около 1³/₄ отряда), а прочія войска оставались, какъ упомянуто, на квартирахъ въ д. Пегашевѣ.

Разумѣется, дежурныя части мѣнялись каждыя сутки, кромѣ полусотни кубанскихъ казаковъ, которые содержали передъ нашимъ фронтомъ и правымъ флангомъ аванпосты. Числительность бѣдной полусотни не превосходила 20-ти человекъ. Турки также созерцали насъ спокойно; только разъ вздумалось имъ пошумѣть: выдвинулось нѣсколько эскадроновъ черкесовъ, заиграли по всѣмъ направленіямъ рожки, и съ про-

тиволежащихъ высотъ спустилась густая пѣхотная цѣпь; но нѣсколько пущенныхъ нами гранатъ заставили ихъ постепенно обратиться вспять, что вызвало всеобщій смѣхъ среди нашихъ солдатъ.

Подъ командой генераль-маіора Рауха собрались въ это время слѣдующія войска: лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, три баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка (одинъ баталіонъ при спускѣ съ горъ оставленъ заслономъ влѣво въ ущельѣ), лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ, 1-я и 3-я батареи (по четыре орудія каждая) лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, полсотни казаковъ; кромѣ того, лейбъ-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ и два баталіона Козловскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ полковника Васмунда, занимали позицію на «Черномъ Верхѣ», правѣе насъ, а одинъ баталіонъ Козловскаго пѣхотнаго полка находился въ д. Елесницѣ.

18-го декабря генераль-адъютантъ Гурко объѣхалъ нашу позицію и сообщалъ, что такъ какъ всѣ почти войска уже сосредоточились, то на другой день онъ поведетъ атаку противъ главной турецкой позиціи, причемъ самъ указалъ мѣсто для батарей нашего отряда. Вечеромъ я долженъ былъ отправиться въ отрядный штабъ за диспозиціей для боя на 19-е декабря.

Тамъ я засталъ генераль-адъютанта графа Шувалова, который предложилъ начальнику отряда дѣйствовать своимъ правымъ флангомъ активно, а не ограничиваться одной пассивной демонстраціей. Генераль-адъютантъ Гурко согласился на это предложеніе, и графъ Шуваловъ долженъ былъ, втащивши 9-ти-фунтовыя орудія на гору, дѣйствовать въ тылъ турецкой ташкисенской позиціи и войти направо въ связь съ полковникомъ Васмундомъ.

Послѣдній долженъ былъ также дѣйствовать въ связи съ отрядомъ генерала Рауха, которому предназначена была атака ташкисенскихъ редутовъ и селенія Ташкисена. Южнѣе же шоссе, противъ праваго фланга турокъ, направлепъ былъ отрядъ генерала Курлова; въ общемъ резервѣ у д. Малины остался отрядъ генерала Философова. Согласно этой диспозиціи было отдано генераломъ Раухомъ слѣдующее приказаніе по авангарду:

Приказаніе по авангарду на 19-е декабря 1877 г.

«Вслѣдствіе диспозиціи по отряду на 19-е декабря, войскамъ авангарда исполнить слѣдующее:

«1) Лейбъ-гвардіи Измайловскому полку съ тремя батареями лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, собраться завтра, 19-го декабря, къ 6-ти ч.

утра въ промежуткѣ позади высотъ, на которыхъ нынѣ расположена 3-я батарея.

«2) Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, лейбъ-гвардіи 4-му Стрѣлковому баталіону Императорской фамиліи, баталіону 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка, 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады собраться завтра, къ 6-ти ч. *утра*, въ промежуткѣ, позади высотъ, занимаемыхъ нынѣ 1-й батареей и двумя орудіями 3-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады.

«3) Всѣмъ войскамъ, какъ находящимся въ Негашевѣ, такъ и на позиціи, выступить съ такимъ расчетомъ времени, чтобы *непретменно* собраться на указанныя выше мѣста къ 6-ти ч. *утра*: причемъ частямъ, расположеннымъ въ Негашевѣ, и баталіону лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, занимающему позицію въ лощинѣ, выступить не позже 3 ч. *утра* 19-го декабря. Артилеріи начать спускаться съ высотъ заблаговременно, чтобы не замедлить общаго сосредоточенія.

«4) Перевозочные пункты устроить за флангами боеваго расположенія по усмотрѣнію старшаго врача лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

«5) Прочія распоряженія будутъ сдѣланы мною на мѣстѣ».

Генераль-маіоръ *Раухъ*.

Ночью съ 18-го на 19-е, авангардъ по сосредоточеніи выступилъ съ негашевской позиціи впередъ къ холмамъ, на которыхъ должны были занять позицію 1-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Не смотря на всѣ усилія, небольшое разстояніе, версты въ четыре, мы двигались до разсвѣта: снѣжные сугробы мѣшали артилеріи на каждомъ шагѣ; наконецъ, батареи были установлены. На правомъ флангѣ, для атаки Ташкисена, сталъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; лѣвѣе батарей, три баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи; 1 й баталіонъ преображенцевъ и одинъ козловцевъ составили общій резервъ. Противникъ занималъ два редута на командующихъ высотахъ и д. Ташкисенъ съ окрестностями. Батарея полковника Кокорева (3-я) быстро опредѣлила разстояніе (около 1,000 сажень) до турецкихъ редутовъ, и затѣмъ, наша артилерія открыла чрезвычайно мѣткій огонь шрапнелью, то по-орудійно, то залпами; турки отвѣчали изъ четырехъ дальнобойныхъ и двухъ горныхъ орудій; надо отдать имъ справедливость — стрѣляли чрезвычайно мѣтко. Съ первыхъ же выстрѣловъ былъ убитъ казакъ изъ конвоя генерала Рауха; флигель-адъютантъ полковникъ Стрижевскій (командиръ 1-й батареи) все время стоялъ среди фонтана осколковъ, и одна турецкая граната попала прямо въ дуло одного изъ его орудій, но, къ счастью, не по-

мѣшала дальнѣйшей стрѣльбѣ, сплющивъ металлъ въ наружную сторону, а не къ каналу.

Въ первомъ часу, послѣ залпа съ батареи полковника Кокорева, на одномъ изъ турецкихъ редутовъ раздался страшный трескъ и поднялся точно фейерверочный буракъ—это взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ; тотчасъ по всей нашей линіи раздался крикъ «ура», турки же завонили «аманъ, аманъ!» Канонада продолжалась еще около часу; мы ожидали дѣйствія колонны полковника Васмунда, наступавшаго лѣвѣе насъ.

Отъ батарей генераль Раухъ со штабомъ отправился впередъ къ преображенцамъ; послѣдніе, расположившись въ мертвомъ пространствѣ, совершенно не терпѣли отъ выстрѣла противниковъ. Когда мы приближались къ стрѣлковой цѣли, турки замѣтили насъ и немедленно пустили гранату. Я шелъ съ прусскимъ маіоромъ Лигницомъ, и только благодаря тому, что не разорвался снарядъ, упавшій въ 2—3 шагахъ, мы остались цѣлы. Нѣсколько послѣдующихъ гранатъ уже были менѣе мѣткі. Лѣвѣе, по лощинѣ, двигался лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ; едва цѣпь подошла къ двумъ одиноко стоявшимъ деревьямъ, какъ граната шлепнулась въ самой ея серединѣ. Подбѣжавшіе съ носилками санитары тоже были осыпаны мѣткими снарядами. Все прикрытіе, бывшее при графѣ Клейнмихелѣ, перебито, въ томъ числѣ и вызвавшійся охотникомъ въ бой баталіонный казначей.

Баталіонъ раздѣлился пополамъ, и одна его часть примкнула ближе къ преображенцамъ, а другая взяла влѣво и прикрылась лѣсной высотой. Направо внизу измайловцы дѣйствовали сначала демонстративно противъ д. Ташкисена: они вели рѣдкій, толковый огнестрѣльный бой и медленно, но постепенно подвигались впередъ. Отрядъ полковника Васмунда долго не появлялся, задержанный сильными мѣстными преградами. Это насъ сильно безпокоило: по диспозиціи мы должны были дѣйствовать въ связи съ этимъ отрядомъ, а между тѣмъ уже былъ второй часъ, чувствовалось, что атака созрѣла; турки, какъ замѣтилъ маіоръ Лигницъ, начали увозить орудія изъ редутовъ; тогда генераль Раухъ рѣшился вести общую атаку. Батареи получили приказаніе открыть усиленную пальбу, пока не подойдетъ пѣхота близко къ редутамъ; чтобы артилерія и измайловцы могли ориентироваться относительно хода атаки, а также для развлеченія вниманія противника, 14-я рота (барона Корфа) лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка направлена была открыто по гребню хребта, на вершинѣ котораго были расположены турецкіе отряды, а прочія части были переведены генераломъ Раухомъ влѣво и наступали въ мертвомъ пространствѣ.

Съ высотъ на позиціи Преображенскаго полка отлично было видно движеніе измайловцевъ въ атаку. Давно ли былъ достопамятный Горный-Дубнякъ, а между тѣмъ, какаѣ различія въ искусствѣ дѣйствій, въ умѣнѣ примѣнять формы строя къ свойствамъ нынѣшняго оружія и характера мѣстности! Въмѣсто церемональнаго движенія въ атаку съ подсчитываніемъ ноги: «лѣвой, правой», мы видимъ рѣдкую цѣпь, поддержка въ сильно разомкнутомъ строѣ, линія одна отъ другой на значительномъ разстояніи.... Одно только не соразмѣрили—слишкомъ рано начали кричать «ура». Преображенцы съ такимъ же искусствомъ наступали—всякій кустикъ былъ эксплуатируемъ; двигаясь по страшной кручѣ, они выбирали преимущественно мертвыя пространства, во избѣжаніе излишнихъ потерь; только рота барона Корфа, какъ сказано, двигалась по открытому гребню. Полкъ до тѣхъ поръ еще не былъ въ горячемъ бою; офицеры и нижніе чины рвались въ дѣло: командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, полковникъ графъ Граббе, флигель-адъютантъ, полковникъ Авиновъ и другіе, изнемогая отъ усталости, поддерживаемые подъ руки нижними чинами, шли впереди своихъ частей. Турки открыли сильнѣйшую трескотню; еще ранѣе былъ сбитъ гранатой крестъ со знамени, но баталіоны безостановочно шли впередъ, и противникъ бѣжалъ, не выждавъ удара въ штыки, что вызвало общія сожалѣнія. По занятіи редутовъ, намъ, по обыкновенію, достались: палатки, галеты, патроны и проч. Сами редуты состояли изъ груды камней, что слѣдуетъ объяснить какъ недостаткомъ вблизи хорошаго грунта, такъ и слѣпшностью возведенія верковъ. Обыкновенно же, при достаточности времени, турки въ этомъ дѣлѣ обнаруживаютъ замѣчательное искусство и доходятъ, можно сказать, до бесполезнаго излишества. Этому мы имѣли наглядныя доказательства на всемъ пути отъ Правца до Врачеши. Брошенные укрѣпленія носили самый разнообразный характеръ, но общая ихъ черта—необычайная тщательность отдѣлки: все размѣрено рейками и шнурами, а на скатѣ бруствера одного изъ ложементовъ д. Врачеши выдѣланы были даже желобки для помѣщенія ружейныхъ стволовъ!

Преображенцы преслѣдовали турокъ до слѣдующаго гребня, а затѣмъ были возвращены назадъ; измайловцы ворвались въ д. Ташки-сень, перекололи засѣвшихъ и отстрѣливавшихся въ домахъ турокъ, прошли всю деревню и заняли ложементы впереди и правѣе ея у шоссе.

Къ вечеру, когда войска уже были размѣщены, послышался справа, на высотѣ, голосъ солдата изъ отряда генерала Курлова: «1-я

дивизія, наступайте; турки, около 3,000, бросаютъ оружіе и желаютъ «даться».

Офицеры изъ цѣпи подтвердили слова кричавшаго.

Я хотѣлъ выѣхать впередъ для переговоровъ, но генераль Раухъ рѣшительно удержалъ меня, зная по опыту предательство турокъ.

Вмѣсто этого онъ выдвинулъ впередъ баталіонъ д.-гв. Измайлоскаго полка, и мы отправились вмѣстѣ для переговоровъ; но едва мы успѣли пройти шаговъ 200, какъ турки открыли сильнѣйшій ружейный огонь. Это одна изъ хитростей, тоже вполне совмѣстная съ понятіями о военной части у нашихъ бывшихъ противниковъ...

На слѣдующій день мы двинулись впередъ, съ цѣлью окончательно окружить турокъ, но они уже очистили арабъ-конакскую позицію и бѣжали на Петричево и Златицу. Часть войскъ была отправлена для ихъ преслѣдованія, а авангардъ возвратился къ Ташкисену.

Изъ перехваченныхъ телеграмъ Беккера-паши (бывшаго въ Ташкисенѣ) и начальствовавшаго на Арабъ-Конакъ Шакира-паши, оказалось, что турки не знали своевременно о нашемъ движеніи; Беккеръ-паша телеграфировалъ сперва, что, къ величайшему его удивленію, «москвы» вышли изъ Чурьяккаго ущелья, а затѣмъ, что «москвы», развернувши огромныя силы, наступаютъ чрезвычайно быстро и грозятъ охватить его желѣзнымъ кольцомъ; результатомъ этой интимной переписки было поголовное бѣгство турокъ со всѣхъ балканскихъ позицій.

Ночью съ 20-го на 21-е мы получили приказаніе выступить немедленно и двинуться по софійскому шоссе къ д. Вр а ж д е б н о й, гдѣ и занять мостъ черезъ Искеръ. Оказалось, между прочимъ, что турки выступили изъ софійскаго лагеря, атаковали 20-го числа, въ превосходныхъ силахъ, генерала Вельяминова, но были отброшены съ огромнымъ урономъ. Такимъ образомъ наша задача заключалась еще и въ томъ, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, генерала Вельяминова.

Мы выступили въ 2 часа ночи; движеніе, вслѣдствіе крутизны спусковъ, было весьма затруднительно и совершалось со скоростью двухъ верстъ въ часъ. Весь путь около Горняго-Бугарова былъ усыпанъ турецкими трупами, обломками повозокъ, всякимъ хламомъ—тутъ работали наши кавказскіе казаки.

На шоссе, противъ д. Бугарова, находившейся вправо верстахъ въ двухъ, къ намъ на встрѣчу выѣхалъ генераль Вельяминовъ со своимъ штабомъ и рассказалъ въ общихъ чертахъ свое славное дѣло съ турками. Съ шоссе отлично была видна подковообразная, возвышавшаяся посреди гладкой равнины, позиція, занятая нашими въ дѣлѣ 20-го декабря; мы могли также осмотрѣть убиственную, открытую мѣстность,

по которой наступали турки. Глядя на это поле сраженія, понятно становилось, почему наши потери были въ десять почти разъ меньше, нежели у противника (въ отрядѣ генерала Вельяминова выбыло изъ строя менѣе 250 человекъ, а у турокъ 800 убитыхъ и около 1,400 раненыхъ). У Бугарова къ намъ присоединились двѣ сотни кавказцевъ, которые и были выдвинуты впередъ, совместно съ конно-гренадерскимъ взводомъ, находившимся при нашемъ отрядѣ еще со времени ташкисенскаго боя. Версты за 2½ до Враждебной, наша кавалерійская цѣпь была встрѣчена огнемъ турецкой регулярной кавалеріи и затѣмъ пѣхоты, перешедшей черезъ мостъ. Генераль Раухъ выдвинулъ немедленно гвардейскую Стрѣлковую бригаду впередъ, преобразенцевъ влѣво, а измайловцы были оставлены въ резервъ. Преобразенцы и наши несравненные стрѣлки развертывались и маневрировали какъ на ученьѣ. Турки, по обыкновенію, трещали поодиночкѣ и гремѣли залпами, но мѣткій огонь 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, 6-й батареи 3-й гвардейской и гренадерской бригады, 3-й батареи л. гв. 1-й артилерійской бригады и обходъ Преображенскаго полка рѣшили дѣло—противникъ ушелъ въ Софію. Попытка сжечь мостъ черезъ Искеръ ему не удалась. Наши стрѣлки и бывшіе при отрядѣ гвардейскіе саперы потушили огонь и исправили мостъ.

Занявши позицію у Софіи и укрѣпившись на ней, мы ожидали прибытія еще части нашихъ войскъ, чтобы атаковать турокъ у Софіи. Атака назначена была на 24-е декабря, и генераль Гурко произвелъ самъ рекогносцировку вепрительской позиціи, причемъ очутился въ тылу турецкихъ аванпостовъ; но еще 23-го прибѣжали болгаринъ, а затѣмъ прибыли и наши разъѣзды, сообщившіе, что турки очистили городъ и укрѣпленный лагерь. Впослѣдствіи мы узнали, что въ день выхода нашего изъ Чурьякского ущелья прибылъ въ Софію Сулейманъ, который высказалъ, что позиція у города недостаточно сильна, и рѣшился ее очистить. По полученіи свѣдѣній объ уходѣ турокъ изъ Софіи, генераль Раухъ немедленно двинулся съ авангардомъ впередъ. Впередѣ шли, подъ моимъ начальствомъ, кавказскіе казаки, затѣмъ взводъ конной артилеріи и эскадронъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, присоединившагося къ намъ на позиціи у Враждебной; затѣмъ слѣдовали главныя силы: преобразенцы, семеновцы, измайловцы и егеря.

При самомъ входѣ въ городъ насъ встрѣтили: духовенство съ крестами, хлѣбомъ и солью, и огромныя массы народа, кричавшія «ура». «здорово братушки»; женщины бросали миртовыя вѣтви, подавали солдатамъ хлѣбъ и т. п. Авангардъ прошелъ безостановочно по дорогѣ на Радомиръ и занялъ позицію передъ ущельемъ.

Въ самой Софіи я отдѣлилъ взводъ гродненскихъ гусаровъ и направилъ его на Пиротъ для связи съ сербской арміей, которая подвигалась къ Софіи.

Прочіе полки съ распушенными знаменами вступили въ городъ. Генераль Гурко, принявъ хлѣбъ-соль, отправился прямо въ соборъ, гдѣ болгарскимъ духовенствомъ былъ отслуженъ молебенъ. Послѣ этого одинъ изъ гражданъ произнесъ тутъ же рѣчь, на которую генераль Гурко отвѣтилъ нѣсколькими словами. Въ тѣхъ мѣстахъ рѣчей, которыя производили особенное впечатлѣніе на слушателей, раздавались единодушныя, громкіе и протяжныя возгласы «аминь, аминь». Многіе выражали свое воодушевленіе аплодисментами и криками «браво».

Самый городъ Софія, съ культурно-европейской точки зрѣнія, представляется вполне авіятскимъ городомъ: улицы узкія, кривыя, объ освѣщеніи и поминѣ нѣтъ, вмѣсто магазиновъ жалкія лавчонки, масса лачугъ, и только нѣсколько правительственныхъ зданій приличнаго характера. Есть тутъ и лекарница (аптека), и три ресторана, но все это не лучше того, что можно встрѣтить въ нашихъ бѣдныхъ уѣздныхъ городахъ.

Войска наши размѣстились частью на передовыхъ позиціяхъ, частью въ самомъ городѣ и окрестныхъ деревняхъ.

Большая же часть отряда осталась въ окрестностяхъ Комарціи-ской долины. Военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ флигель-адъютантъ князь Оболенскій, которому предстояло немало хлопотъ, чтобы поддержать порядокъ при столпленіи войскъ и жителей; вдобавокъ къ этому, множество турецкихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ и слѣдовавшихъ за отступавшими войсками, вернулись назадъ и запрудили Софію.

Болгары, у которыхъ отобранъ былъ скотъ и повозки подъ связъ тяжестей бѣглецовъ, пользуясь нашимъ приходомъ, просили возстановить права ихъ собственности—это тоже была не легкая задача.

Трудно выразить, какое блаженство мы испытывали, очутившись, наконецъ, въ городѣ, въ теплой избѣ.

Послѣ тяжелыхъ трудовъ, перенесенныхъ войсками, генераль-адъютантъ Гурко благодарилъ ихъ въ нижеслѣдующемъ прочувствованномъ приказѣ, отданномъ въ г. Софіи.

«Войска вѣреннаго мнѣ отряда!

«Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнимъ-Дубникомъ и 16-го октября подъ Телишемъ, вы обружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзныи кругъ, обружавшій

Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паша сдѣлались вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28-го октября, легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ затѣмъ завоеванныя вашей кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіэ и шедшей на выручку арміи Османа-паша. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки, 16-го ноября, и наконецъ разбивъ турокъ 21-го ноября, на высотахъ Арабъ-Конака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами. Вытѣснили турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прижали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

«Въ это же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

«Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго постоянного тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли по истинѣ съ геройскою русскою стойкостію и твердостію. Вы втащили на горы, въ облачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопною стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

«Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ,—вы съ неимоверными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго верха и Бабы горы, заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты.

«Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

«19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, причемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда генерала Рауха. Въ тотъ же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ завладѣли турецкими редутами и трудно доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать въ теченіе ночи съ вѣрною Арабъ-конаксской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по орханійскому шоссе.

«Оставивъ 3-ю гв. пѣхотную дивизию и большую часть 9-го корпуса подъ начальствомъ барона Кріденера для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я съ остальною частію отряда двинулся 21-го декабря противъ Софіи.

«Въ то время, когда большая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно пять баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горнемъ-Бугаровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго противника. Завладѣвъ съ боя 21-го декабря мостомъ черезъ р. Искеръ, у д. Враждебной, мы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25 баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

«Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь: чему болѣе удивляться, храбрости ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими свѣгами.

«Пройдутъ года—и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордстію и торжествомъ скажутъ: «здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовскихъ и румянцевскихъ чудо-богатырей».

«Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова.

«Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о трудахъ и заслугахъ командира 9-го корпуса генераль-лейтенанта барона *Криденера*.

«Пользуюсь симъ приказомъ, чтобы выразить мою душевную и сердечную признательность начальнику штаба моего отряда, генераль-маіору *Назловскому*. Его мудрымъ совѣтамъ и поразительному хладнокровію отрядъ во многомъ обязанъ добытыми нами блестящими результатами.

«Съ чувствомъ особаго удовольствія сердечно благодарю командующаго 2-ю гв. пѣхотную дивизію генераль-адъютанта *графа Шувалова 2-го*, командира 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора *Дандевилля*, командующаго 1-ю гв. пѣхотную дивизію генераль-маіора *Рауха*, начальника артилеріи отряда свиты Его Величества генераль-маіора *Бреверна*, начальника 31-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта *Вельяминова*, начальника штаба 9-го корпуса генеральнаго штаба генераль-маіора *Литинскаго*, командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Его Высочество *Принца Ольденбургскаго*, командира гв. Стрѣлковой бригады свиты Его Величества генераль-маіора *Эллиса*, командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генераль-маіора *Брока*, командира 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генераль-маіора *Эттера*, командировъ полковъ: 1-гв. Московскаго флигель-адъютанта полковника *Гриппенберга*, С.-Петербургскаго Гренадерскаго короля прусскаго генераль-маіора *Курлова*, 1-гв. Волынскаго генераль-маіора *Мирковича*, 1-гв. Гренадерскаго, флигель-адъютанта полков-

ника *Любовицкаго*, л.-гв. Финляндскаго, полковника *Шмита*, л.-гв. Преображенскаго, флигель-адъютанта полковника князя *Оболенскаго* и 10-го Новоингерманландскаго полковника графа *Комаровскаго*, командира л.-гв. Сапернаго баталіона флигель-адъютанта полковника *Скалона*, командировъ стрѣлковыхъ баталіоновъ: 1-го Его Величества, полковника *Васмунда*, и 4-го Императорской фамиліи флигель-адъютанта полковника графа *Клейнмихеля*, и командующихъ полками: 11-го Псковскаго подполковника *Кобордо* и 12-го Великолуцкаго маіора *Беатера*, генеральнаго штаба полковника *Сухотина*; подполковниковъ: *Ставровскаго* и *Пузыревскаго*, и штабъ-капитана *Протопопова*, и всѣхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, начальниковъ штабовъ дивизій, командировъ артилерійскихъ бригадъ, командировъ баталіоновъ, батарей и ротъ и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

«Благодарю также командующаго 2-й гвардейской кавалерійскою дивизіею свиты Его Величества генераль-маіора *Кюдта*, начальника штаба этой дивизіи полковника *Бунакова*, командира сводно-драгунской бригады генераль-маіора *Краснова*, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго свиты Его Величества генераль-маіора графа *Ламсдорфа*, лейбъ-гвардіи Уланскаго свиты Его Величества генераль-маіора *Эттера*, лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества, флигель-адъютанта полковника барона *Мейендорфа*, командующаго лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ полковника *Ковалевскаго*, командира 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи свиты Его Величества генераль-маіора графа *Де-Бальмена*, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества флигель-адъютанта полковника барона *Притвица* и лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго Его Высочество *Принца Саксенъ-Альтенбургскаго*, командира Сводно-кавказской бригады свиты Его Величества генераль-маіора *Черевина*, командира Владикавказскаго казачьяго полка полковника *Левиса*, командира Сводно-казачьей бригады генераль-маіора *Курнакова*, командира 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковника *Рибиндера*, и всѣхъ командировъ кавалерійскихъ полковъ, командировъ дивизіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и командировъ конныхъ батарей, генеральнаго штаба капитана *Храповицкаго*, и всѣхъ вообще офицеровъ пѣхоты, артилеріи и кавалеріи. Сихъ послѣднихъ въ особенности за молодцевъ и лихія развѣдки. Благодарю также штабъ и оберъ-офицеровъ всѣхъ штабовъ и офицеровъ, состоящихъ при мнѣ ординарцами. Благодарю полковника *Доманевскаго*, благодаря трудамъ и распорядительности котораго весь отрядъ никогда не нуждался въ предметахъ продовольствія.

«Благодарю за неутомимые и полезные труды по санитарной части отряднаго врача статскаго совѣтника доктора медицины *Энкофа*, уполномоченнаго при летучихъ отрядахъ для гвардейскаго корпуса и этапъ отъ Государыни Цесаревны коллежскаго совѣтника *Петлика*, и всѣхъ врачей,

состоящихъ при дивизионныхъ лазаретахъ, при частяхъ войскъ и въ санитарномъ отрядѣ Государыни Императрицы.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ».

Подписаль: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ *Гурко*.

Во время пребыванія нашего въ Софіи, съ нами вошли въ связь сербы, и я видѣлъ на улицѣ конвой Хорватовича, прибывшаго для свиданія съ генераль-адъютантомъ Гурко. Впослѣдствіи сербы, напуганные движеніемъ Гафиза-паши, отошли назадъ, и связь съ ними у насъ прекратилась. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ познакомились съ европейскими консулами, съ леди Стрэнгфордъ, благотворившей въ турецкомъ госпиталѣ, и съ нѣкоторыми изъ зажиточныхъ жителей.

А. Пузыревскій.

(Продолженіе будетъ.)